

ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

В ТЕМНОМ-ТЕМНОМ ЛЕСУ

РУТ УЭЙР

Рут Уэйр

В темном-темном лесу

«АСТ»

2015

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Уэйр Р.

В темном-темном лесу / Р. Уэйр — «АСТ», 2015

ISBN 978-5-17-098572-2

В темном-темном лесу Десять лет назад Нора окончила школу и порвала все связи с друзьями. С тех пор Нора ни разу не видела свою лучшую подругу Клэр... Стоял темный-темный дом... пока однажды ей вдруг не пришло приглашение на девичник Клэр. Что это, как не шанс оставить наконец позади все призраки прошлого? А в темном-темном доме была темная-темная комната Но что-то пошло не так. Совсем не так. И в этой темной-темной комнате... Некоторым тайнам лучше оставаться не раскрытыми.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-098572-2

© Уэйр Р., 2015
© АСТ, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	12
Глава 4	18
Глава 5	26
Глава 6	28
Глава 7	31
Глава 8	34
Глава 9	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Рут Уэйр

В темном-темном лесу

© Ruth Ware, 2015

© Школа перевода В. Баканова, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

*Кэти, остальным трем пятым.
С любовью.*

В одном темном-темном лесу стоял
темный-темный дом.
В этом темном-темном доме была
темная-темная комната.
В этой темной-темной комнате был
темный-темный шкаф,
а в этом темном-темном шкафу прятался...
СКЕЛЕТ!

Детский фольклор

Я бегу.

Бегу сквозь залитый лунным светом лес, спотыкаясь о торчащие из-под снега корни.
Ветки цепляют за одежду, колючки хлещут по голым рукам. Дыхание жжет горло.

Мне больно. Очень больно.

Но я умею бегать. Умею очень хорошо.

И когда я бегу, в мыслях у меня повторяются какие-нибудь слова. Например, время, в
которое я хочу уложиться, или какая-то обида, которую надо втоптать кроссовками в асфальт.

В этот раз слово лишь одно. Оно звучит в голове ударами молота.

Джеймс. Джеймс. Джеймс.

Я должна успеть. Добежать до шоссе, пока не...

Вот оно! Черная змея асфальта под луной. Я слышу рев мотора, вижу белые лучи фар,
такие яркие, что больно глазам.

Слишком поздно?

Последние метров тридцать я несусь вперед на пределе сил. Запинаюсь об упавшие
стволы и ветки. Сердце отстучивает в груди барабанную дробь.

Джеймс.

Поздно, машина уже близко, не остановить...

Но я все равно бросаюсь чуть ли не под колеса.

«СТОЙТЕ!»

Глава 1

БОЛЬНО. Болит все. Свет режет глаза. Голова раскалывается. Я чувствую запах крови. Это от нее мои руки липкие.

– Леонора?

Голос пробивается сквозь туман боли. Я пытаюсь помотать головой, язык не слушается.

– Леонора, все хорошо, ты в больнице. Мы везем тебя на обследование.

Голос женский. Громкий и нарочито четкий. От него у меня ноют уши.

– Надо кому-нибудь позвонить?

Я снова пытаюсь помотать головой, но женщина мягко останавливает меня:

– Аккуратней. У тебя черепно-мозговая травма.

– Нора, – шепчу я.

– Позвонить Норе? Кто это?

– Это я... меня так зовут.

– Ладно, Нора. Не бойся. Больно не будет.

Но мне больно. Очень больно.

Что произошло?

Что я сделала?

Глава 2

Едва проснувшись, я поняла, что сегодня подходящий день для пробежки по парку – для самого длинного маршрута, почти в девять миль. Осеннее солнце пробивалось сквозь плетеную занавеску из ротанга и золотило простыни. Пахло ночным дождем. С постели мне был виден платан под окнами, его листья уже начали темнеть по краям. Я закрыла глаза и с наслаждением потянулась, чувствуя каждый мускул, слушая потрескивание и вздохи – системы отопления, приглушенный гул машин с – улицы.

Каждое мое утро начинается одинаково. Я живу одна, могу позволить себе устроить все по-своему, без помех. Нет у меня ни подружки-соседки, которая выльет себе в кофе остатки молока из пакета, ни кота, которого с утра пораньше может стошнить на ковер. Что оставила накануне вечером в холодильнике, то ты там и найдешь. Сама себе хозяйка.

Дома я и работаю. Когда не нужно ходить в офис с девяти до пяти, очень легко расслабиться; дни теряют форму, сливаются в один, и вдруг выясняется, что уже пять вечера, а ты до сих пор в халате и за весь день поговорила только с молочником. Бывает, что я сутками не слышу живого человеческого голоса, если не считать радио, и меня такой расклад вполне устраивает. Это хорошая жизнь для писателя – наедине с голосами в своей голове, с придуманными тобой персонажами. В тишине и молчании они обретают реальность. Короче, жизнь хорошая, но не вполне здоровая. Поэтому важно ее как-то организовать, создать себе распорядок и придерживаться его – чтобы хотя бы как-то отличать будни от выходных.

День мой начинается так.

Ровно в половине седьмого я просыпаюсь от гула бойлера – включилось отопление. Смотрю в телефон – просто чтобы убедиться, что еще не настал конец света. Некоторое время лежу, слушая уютное потрескивание в батареях.

В семь утра включаю новостную программу на радио, жму на кнопку запрограммированной с вечера кофемашины. Кофе – «Карт Нуар» в бумажном фильтре. У моей крошечной квартирki немало преимуществ; одно из них – дотягиваешься до кофемашины и холодильника, не вылезая из постели.

К концу выпуска новостей кофе готов. Я выползаю из-под теплого одеяла, плеснув в чашку немного молока, делаю себе тост с малиновым джемом «Бонн маман». Без масла – не из соображений диеты, а просто потому, что не люблю.

Дальше все зависит от погоды. Если идет дождь или мне просто не хочется бегать, я принимаю душ, читаю почту и сажусь работать.

В этот раз день был отличный, мне не терпелось поскорее выйти из дома, пробежаться по мокрым листьям, подставить ветру лицо. А в душ потом.

Я натянула футболку и легинсы, сунула ноги в кроссовки и бодро сбежала три лестничных пролета вниз – и наружу, в мир.

Вернулась я потная и запыхавшаяся, от усталости едва держась на ногах, и долго стояла под горячим душем, продумывая дела на грядущий день. Заказать продукты, холодильник почти опустел. Посмотреть правки к последней книге – обещала редактору их прокомментировать до конца недели и еще даже не села. Проверить сообщения, приходящие через форму обратной связи на сайте, сто лет откладываю, так что их много накопилось. Конечно, по большей части это спам – какую защиту ни ставь, боты все равно пролезут. Но среди мусора попадает и полезная информация: например ссылки на рецензии или предложения дать отзыв на чью-то работу, который пойдет на обложку. А иногда... иногда письма от читателей. Вообще, обычно люди пишут, если книга им понравилась, но бывает, спешат сообщить, какая я дура. Мне странно и неловко читать любые отзывы, как восторженные, так и негативные. Совершенно посторонние люди вдруг высказываются о твоих личных мыслях, как будто кто-то сунул

нос в твой дневник и выражает о нем свое ценное мнение. Вряд ли я смогу когда-нибудь к этому привыкнуть. Наверное, оттого и приходится подолгу собирать волю в кулак, прежде чем взяться за почту.

Одевшись, я раскрыла ноутбук и принялась удалять ненужные сообщения. «Виагра». Тайненькое знанище, как удовлетворить любую. Красотки без ком-плексов.

И вдруг...

Кому:

Мелани Чжоу; Кейт Дерби; Кимайо, Лиз; info@LNShaw.co.uk; Мария Татибоз; Айрис Уэствик; Кейт Оуэнс; smurphy@shoutlinemedia.com; Нина да Суза; Крис Френч

От: Флоренс Клэй

Тема: ДЕВИЧНИК ДЛЯ КЛЭР!!!

Клэр? Я знаю одну Клэр, но...

Сердце забилось быстрее. Вряд ли речь о ней. Мы десять лет не общаемся.

Минуту курсор подрагивал над кнопкой «удалить», но потом я все же открыла сообщение.

ВСЕМ ПРИВЕТИКИ!!!

Для тех, кто не в курсе, я Фло, лучшая подружка Клэр по университету. А еще я – ТА-ДА-ДА-ДАММ! – свидетельница на ее свадьбе! И в мои обязанности входит организация ДЕВИЧНИКА!!!

Я уже спросила у Клэр, и – как вы наверняка догадались – она не хочет никаких банальностей, резиновых членов и розовых перьев. Поэтому я приготовлю для нас всех утонченное развлечение – уик-энд за городом в Нортумберленде, в тех местах, где наша дорогая невеста училась в колледже. (А там, может, и найдем способ устроить один-другой пошлый – конкурс!)

Девичник назначен на четырнадцатое – шестнадцатое ноября. Да, понимаю, времени осталось совсем мало, но выбора особо нет – рабочие планы, Рождество, все такое. Прошу как можно скорее ответить мне, ждать вас или нет.

Очень надеюсь на встречу со старыми и новыми друзьями!!!

Целую-обнимаю,

Фло

Грызя ноготь, я перечитала послание, силясь хоть что-нибудь понять. Потом взглянула на список адресатов и обнаружила в нем одно знакомое имя: Нина да Суза.

Все ясно. Это Клэр Кавендиш, других вариантов нет. И вроде бы в универ она поступила то ли в Дареме, то ли в Ньюкасле, так что пассаж про Нортумберленд подтверждается.

Но почему? Почему Клэр вдруг захотела позвать меня на девичник?

Может, это ошибка? Может, «лучшая подружка» Фло просто скопировала себе адресную книгу Клэр и разослала приглашения на все женские имена?

И все-таки в списке адресатов всего двенадцать человек. Вряд ли я попала в такой узкий круг по-ошибке...

Я вглядывалась в экран, словно надеясь среди пикселей найти ответы на тревожащие меня вопросы. И почему я не удалила письмо сразу...

Внезапно я почувствовала, что больше не могу сидеть на месте. Я вскочила, прошлась до двери, вернулась к рабочему столу и замерла, снова глядя на экран ноутбука.

Клэр Кавендиш. Почему я? Почему сейчас?

Спрашивать у этой Фло явно смысла не имеет.

Но есть один человек, который может знать.

Я села и быстро, не давая себе возможности передумать, набила сообщение.

Кому: Нина да Суза

От: Нора Шоу

Тема: Девичник???

Привет, Нина, как дела? Надеюсь, хорошо. Честно говоря, я была удивлена, когда получила приглашение на девичник у Клэр. Ты поедешь?

И стала ждать.

Следующие несколько дней я пыталась выбросить полученное приглашение из мыслей. С головой погрузилась в работу, пытаясь закопаться в хитрых задачках, поставленных редактором. Однако письмо никак не хотело забываться, оно постоянно напоминало о себе, как язва на кончике языка или как сломанный ноготь, который все время за что-то цепляется. Оно сползало ниже и ниже в почтовом ящике, но все равно мозолило глаза, и флажок «не отвечено» горел напротив немым упреком. Вопросы, которые оно во мне породило, не давали покоя.

«Ну, отвечай!» – умоляла я Нину, когда бегала по парку, готовила себе ужин или просто сидела, глядя в одну точку. Я даже думала ей позвонить, но не знала, что именно хочу от нее услышать.

И вот несколько дней спустя, когда я рассеянно листала «Твиттер» на телефоне, оно пришло.

Сообщение от Нины.

Я отхлебнула кофе, сделала глубокий вдох и открыла письмо.

Кому: Нора Шоу

От кого: Нина да Суза

Тема: Re: Девичник???

Здорово! Сто лет с тобой не общались! Только прочитала письмо – всю неделю на поздних дежурствах. Честно – вообще не хочу туда ехать! На свадьбу-то меня давно пригласили, но с девичника я надеялась как-нибудь соскочить. А ты едешь? Давай уговор – поеду, если ты тоже поедешь?

Я пила кофе, глядя на экран. Курсор завис над кнопкой «Ответить». Нина так ничего для меня и не прояснила. В голове продолжали роиться вопросы. Когда свадьба? Зачем звать на девичник того, кто не приглашен на свадьбу? И кто жених?

Слушай, а за кого она

Я напечатала это и тут же стерла, не закончив фразы. Нет, нельзя спрашивать прямо. Так я сразу признаю, что вообще не в теме, а это удар по моему самолюбию.

Старательно заставляя себя не мучиться незадачным вопросом, я приняла душ и оделась. Но когда села работать и заглянула в почту, в ящике было еще два непрочитанных сообщения. Первое – от какой-то подруги Клэр, она извинялась, что не сможет приехать, девичник попадает на день рождения кого-то из семьи. Второе – от Фло, и на этот раз она включила опцию «уведомить о прочтении».

Кому: info@LNShaw.co.uk

От: Флоренс Клэй

Тема: Re: ДЕВИЧНИК ДЛЯ КЛЭР!!!

Дорогая Ли!

Прости за настырность, просто уточняю, получила ли ты мое прошлое письмо! Вы с Клэр давно не общались, но она ТАК надеется, что ты приедешь!

Она часто вспоминает о тебе и жалеет, что после школы жизнь вас развела. Не знаю, что там у вас случилось, но она бы **ОЧЕНЬ** хотела видеть тебя на девичнике. Порадуй невесту, а?! Тогда ее девичник получится идеальным.

Целую-обнимаю,

Фло

Пожалуй, это должно было мне польстить – Клэр так меня ждет, что Фло изо всех сил пытается до меня добраться, – однако я только разозлилась. Меня беспардонно дергали, а уж уведомление о прочтении – это и вовсе вопиющее нарушение границ. Как будто Фло за мной шпионит.

Я закрыла почту и взялась за рабочий документ, гоня от себя все мысли о девичнике, но слова Фло эхом висели в воздухе. *«Не знаю, что там у вас случилось...»* Прямо как обиженная маленькая девочка, которую не приняли в игру. *«Это уж точно, – мстительно подумала я. – Не знаешь. И нечего копаться в моем прошлом».*

Сама я давно зареклась это делать.

Вот Нина – другое дело. Она теперь живет в Лондоне, мы время от времени пересекаемся с ней в Хакни. Она часть моего настоящего.

А Клэр я решительно оставила в прошлом, в той моей жизни в Ридинге.

И все же в глубине души маленький упрямый голосок повторял: «Она же была твоей подругой, лучшей подругой детства, а ты сбежала от нее не оглядываясь, даже не оставив номер телефона, разве подруги так поступают?»

Совсем разнервничавшись, я вскочила на ноги и, не придумав ничего лучше, направилась делать себе еще кофе. Стоя над шипящей и булькающей кофемашиной, я грызла ноготь и думала о десяти годах, прошедших с нашей последней встречи. Вернувшись с чашкой за стол, вместо работы я полезла в «Гугл» и нашла страничку Клэр Кавендиш в «Фейсбуке».

Как выяснилось, женщин с таким именем было много, и кофе мой успел остыть, прежде чем я нашла похожую на нее. В качестве изображения в профиле стояла фотография пары в костюмах персонажей из «Доктора Кто». Лица девушки было не разобрать под растрепанным рыжим париком, но что-то в том, как она хохотала, запрокинув голову, заставило меня перестать крутить вниз бесконечный список. Парень рядом с ней изображал Мэтта Смита: всклокоченные волосы, галстук-бабочка, очки в роговой оправе. Я открыла фото в полном размере и долго разглядывала, все больше укрепляясь в уверенности, что это все-таки Клэр. Парня же я точно не знала.

Я полезла в информацию о пользователе. В числе взаимных друзей значилась Нина да Суза. Определенно, это та самая Клэр. В графе «Отношения» стояло: «девушка Уильяма Пилигрима». Имя было смутно знакомо. Кто-то из школы? Нет, единственный Уильям в нашей параллели носил фамилию Майлз. Пилигрим... Нет, не помню такого. Я заглянула в его профиль, но аватаром там служил налитый наполовину пивной стакан.

Я вернулась на страничку Клэр. В голове звучали слова из письма: «она **ТАК** надеется, что ты приедешь... часто вспоминает о тебе».

Что-то очень похожее на чувство вины сжало мое сердце.

Я уехала не оглядываясь, сбежала, оглушенная горем, и долгое время все мои силы уходили на то, чтобы просто переставлять ноги, продвигаясь вперед – как можно дальше от того, что осталось в прошлом. Пришлось сосредоточиться на самосохранении, на большем я была не способна.

И вот Клэр игриво смотрела на меня из-под рыжего парика, и в ее глазах мне чудилась мольба и даже упрек.

Против своей воли я стала вспоминать ее. Восторг, который охватывал всякого попавшего в лучи ее благосклонности. Ее низкий грудной смех, записочки, которые она пускала по классу, ее жестокий юмор.

Лет в шесть я впервые осталась у нее в гостях с ночевкой. Помню, как лежала без сна и слушала ее посапывание. Потом мне приснился кошмар, и я описалась. Клэр обняла меня, устроила в собственной постели, чтобы я не мерзла, а сама убрала мокрое белье в корзину и полезла в шкаф за свежим. С первого этажа донесся сонный голос миссис Кавендиш, она спрашивала, что мы там шумим, и Клэр быстро ответила: «Я опрокинула молоко, прямо Ли на кровать».

На секунду я перенеслась на двадцать лет назад, почувствовала себя маленькой испуганной девочкой, вдохнула запах той ночи – духоту детской комнаты, сладкий аромат шариков для ванной из стеклянной банки на окне, запах наглаженного свежего белья.

«Только никому не говори!» – попросила я, когда кровать была совместными усилиями перестелена, а мокрые пижамные штаны спрятаны в мою сумку. «Конечно!» – заверила Клэр.

И никому не сказала.

Я все еще сидела, глядя на фотографию, когда в углу экрана с писком выскочило новое сообщение. Нина писала мне: «*Ну что? Фло меня трясет. Да или нет???*» Я встала, прошлась до двери и обратно, изнывая от глупости происходящего, села и быстро вбила ответ: «*Ладно. Поехали*».

Ответ от Нины пришел через час.

Обалдеть. Пойми меня правильно, я не ожидала. Удивлена, в хорошем смысле. Поехали. Только теперь не вздумай слиться. Имей в виду, я врач и знаю не меньше трех способов убить тебя, не оставляя следов. Целую, Нина.

Тяжело вздохнув, я открыла первое письмо от Фло и стала писать ответ.

Дорогая Флоренс (можно Фло?!)

Я приеду, с удовольствием. Передай Клэр спасибо за приглашение. Буду рада познакомиться с тобой и наконец повидаться с ней.

С наилучшими пожеланиями,

Нора (хотя Клэр помнит меня как Ли)

P.S. Впредь лучше писать мне на этот ящик. Тот, что на сайте, я редко проверяю.

Дальше сообщения посыпались одно за другим. Целый водопад отказов со ссылкой на занятость. «*Буду в отъезде*». «*К сожалению, в эти дни я работаю*». «*У меня семейные дела – мемориальная служба*». (Комментарий от Нины: «*Да-да, я похороню следующую идиотку, которая тыкнет по кнопке «Ответить всем!»*») «*Уезжаю на сноурклинг в Корнуолл*». (Комментарий от Нины: «*В ноябре???* Она ничего умнее не могла придумать? Если бы я знала, что планка так низка, я бы соврала, что меня завалило в чилийской шахте!») Еще работа. Еще семейные дела. И всего несколько писем с согласием.

В итоге список участников вышел коротким. Клэр, Фло, какая-то Мелани, Нина, я и некий Том. (Комментарий от Нины: «*Какой, на хрен, ТОМ???*»)

Всего шестеро. Как-то мало для всеобщей любимицы. По крайней мере, в школе Клэр была звездой. Хотя предупредить в самом деле стоило бы по-раньше.

Может, поэтому она пригласила меня? Для массовки, а то вдруг большинство откажется? Нет, Клэр не такая... или не была такой. Клэр, которую я знала, пригласила бы только тех, кто ей нужен, и презентовала бы все действо как суперэкслюзивную вечеринку для сливок общества.

Я не хотела думать об этом. Старалась похоронить воспоминания под ворохом насущных забот. Но они продолжали всплывать, когда я меньше всего ожидала – то во время пробежки, то внезапно посреди ночи.

Почему, Клэр? Почему сейчас?

Глава 3

Ноябрь наступил с пугающей быстротой. Я старалась с головой уйти в работу, но с приближением дня X отвлечься от тревожных мыслей становилось все сложнее. Я выбирала самые длинные маршруты для пробежки, желая загнать себя до предела, но едва голова моя касалась подушки, внутренний голос начинал шептать: «Десять лет. После всего, что случилось. Почему сейчас?» Я не могла отделаться от ощущения, что совершаю чудовищную ошибку.

Я придумала бы какой-нибудь благовидный предлог и не поехала, однако был уговор с Ниной, я не могла ее подвести. Так что мерзким холодным утром четырнадцатого ноября с дорожной сумкой в руке я сошла с поезда в Ньюкасле и первым делом купила себе кофе в киоске на платформе. Нина курила самокрутку и ворчала на проклятую английскую погоду. Третий девичник за год (затяжка), прошлый обошелся ей почти в пятьсот фунтов (затяжка), а на этот вся тысяча уйдет, если со свадьбой посчитать (выдох). Честно говоря, проще было бы просто выписать им на эти суммы чек и обойтись без мороки, и кстати говоря (окурочка затушена тонким каблукочком), какого черта нельзя было взять с собой Джесс?

– Ну, типа, потому что это девичник. – Я взяла стакан и пошла за Ниной в сторону знака парковки. – Весь смысл в том, чтобы гулять без партнеров. Иначе почему не притащить заодно и жениха.

– Машину ты по-прежнему не водишь? – уточнила Нина, когда мы закидывали чемоданы в багажник арендованного «Форда».

– Не-а. Еще один жизненно необходимый навык, который я так и не освоила. Извини.

– Передо мной-то что извиняться. – Нина плюхнулась на водительское место, втянула длинные ноги, захлопнула дверь и сунула ключ в зажигание. – Терпеть не могу быть пассажиром. Вождение как караоке: когда за рулем или микрофоном ты сам, все круто, а когда кто-нибудь другой – либо жуть, либо стыдоба.

– Знаешь, просто... в Лондоне машина скорее роскошь, чем средство передвижения.

– Я обычно езжу к родителям на арендованной машине.

– Ну... – Я посмотрела в окно. – Сложновато доехать до Австралии на арендованном «фордике».

– Господи, я и забыла, что твоя мама эмигрировала. Как его там зовут? Отчима твоего?

– Филипп, – ответила я.

И почему я вечно ощущаю себя обиженным подростком, когда произношу это имя? Имя как имя...

Нина бросила на меня быстрый взгляд и кивнула на спутниковый навигатор.

– Подключи эту штуку, пожалуйста, и вбей координаты от Фло. Иначе из Ньюкасла мы вообще не выберемся.

Уэстерхоуп, Трокл, Стейнгейт, Халтуистл, Уорк... Сменяли друг друга знаки, от которых веяло поэзией, дорога серой лентой разворачивалась под колесами вдоль пастбищ, пустошей и низких холмов. Небо над головой было затянуто облаками, и маленькие каменные домики, время от времени попадавшиеся нам по пути, прятались по ложбинкам, словно в страхе, что их заметят. Нина ехала по навигатору, так что работать штурманом мне не пришлось, от чтения в машине меня укачивает, поэтому я закрыла глаза, отгородившись от Нины и от радио, и осталась один на один с вопросами, не дававшими мне покоя.

Почему Клэр меня пригласила? Почему сейчас?

Захотелось накануне свадьбы оживить старую дружбу? Если так, почему не позвала на самую свадьбу? Нина-то приглашена, значит, церемония явно будет не только семейная.

Воображаемая Клэр с укором покачала головой, прося меня набраться терпения и подождать. Клэр всегда любила секреты. Ее любимой игрой было узнать о тебе какую-то тайну и

намекнуть о ней в разговоре. Она ничего никому не разбалтывала, просто намекала, чтобы ты поняла: *она знает*.

В Хексеме мы остановились поесть и перекурить, затем помчались в сторону парка Килдер-Форест, свернув с шоссе. Небо над головой казалось бесконечным. Дороги становились уже, деревья по их сторонам – гуще, и вот ветви уже нависали над нами поверх тонкой каменной стены, служившей дорожным ограждением.

Когда мы въехали в лес, связь со спутниками ослабела, а потом и вовсе пропала.

– Погоди. – Я полезла в сумку. – У меня распечатана схема от Фло.

– Вот кто у нас хорошая девочка, – съязвила Нина, но в голосе у нее проскользнуло облегчение. – А чем тебя айфон не устроил?

– Известно чем. – Я продемонстрировала ей мобильник, который безуспешно пытался загрузить гугл-карты. – Тем, что он бесполезен, когда пропадает связь. – Я глянула в распечатки. – Так, нам нужен «Стекланный дом» по дороге Стейнбридж-Роуд. Сейчас надо направо, потом изгиб дороги и наш поворот, должен быть уже совсем ско... а вот мы его и проехали.

– Офигенный из тебя штурман!

– Чего?

– Раньше предупреждать надо! – Нина изобразила механический голос навигатора: – «Через пятьдесят метров поворот направо. Через тридцать метров поворот направо. Вы проехали. Пожалуйста, развернитесь там, где это разрешено».

– Ну вот и развернись там, где разрешено, поворот ты прощелкала!

– Да плевала я! – Нина ударила по тормозам и сделала резкий разворот на сто восемьдесят.

Я зажмурилась.

– Все равно что караоке, говоришь?

– Ой, да ладно, там дальше тупик. Кто бы оттуда мог выскочить?

– Ну, не знаю, любой из остальных приглашенных на это мероприятие!

Я приоткрыла глаза. Машина набирала скорость в противоположном направлении.

– Короче, сейчас. Там практически тропинка, но Фло точно отметила именно ее.

– Практически?! Это и есть тропинка!

Нина крутанула руль, и мы поехали прямо сквозь лес, подпрыгивая на ухабах.

– Это называется «грунтовая дорога», – выдохнула я, глядя в окно на грязную канаву, к которой вполне могли бы ходить на водопой бегемоты. – Вообще, я думала, это их частная подъездная дорожка, но мы уже полмили по ней катимся, а ей все конца не видно...

Я смотрела на последнюю страницу в распечатках. Она представляла собой спутниковый снимок местности, на котором был отмечен единственный дом.

– Если это их «подъездная дорожка», какого хрена они за ней не следят?! – рывкнула Нина, когда «Форд» подпрыгнул на очередной кочке. – Если я угроблю здесь машину, подам в суд! Плевать на кого, но я платить не буду!

За следующим поворотом дорога внезапно кончилась. Перед нами были узкие ворота. Нина проехала через них, припарковалась и заглушила мотор. Мы вылезли и изумленно уставились на дом.

Не знаю, чего именно я ожидала, может, небольшого домика с соломенной крышей, с балками и низкими потолками. Вместо этого перед нами возвышалось фантастическое сооружение из стекла и металла. Его словно собрал малыш из конструктора и бросил, наигравшись. В лесу оно смотрелось до того неуместно, что мы разинули рты.

Распахнулась входная дверь, я увидела копну золотистых волос и вдруг запаниковала. Зачем я сюда приехала?! Это ошибка, и теперь уже не сбежать!

На крыльце стояла Клэр.

Только она была... другая.

Я напредила себе, что все-таки прошло десять лет; люди меняются, набирают вес. В двадцать шесть мы уже не те, что в шестнадцать, – уж кому, как не мне, это знать.

Но Клэр изменилась слишком сильно. В ней что-то сломалось, словно погас внутренний свет.

Однако стоило ей заговорить, как иллюзия развеялась. Манера речи – единственное, что выдавало мне мою ошибку. Она не имела ничего общего с Клэр. Клэр всегда щебетала как девчонка, у этой же девушки голос был низкий. И очень, очень па-фосный.

– Приве-ет!!! – протянула она так, что явно были слышны три восклицательных знака, и я сразу поняла, кто перед нами. – Я Фло!

Когда смотришь на фотографии братьев и сестер знаменитостей, кажется, что видишь того самого человека, только отраженного в кривом зеркале – таком, которое искажает совсем чуть-чуть, и даже не поймешь, в чем именно кроются отличия. Просто что-то потеряно, где-то проскочила фальшивая нота.

Такова была девушка на крыльце.

– Господи, как я рада, что вы приехали! Ты, наверное...

Она остановилась на более очевидном варианте: несложно соотнести фамилию «да Суза» с обладательницей орлиного профиля, черных гладких волос, как у Евы Лонгории, и роста выше ста восьмидесяти сантиметров. Отец Нины был из Бразилии, мать – англичанка из Далстона, а сама она родилась в Ридинге.

– ...Нина, да?

– Ага. А ты, наверное, Фло?

– Ах-ха!

Нина бросила на меня лукавый взгляд, буквально подначивая меня рассмеяться. А я-то думала, что не бывает людей, которые на самом деле говорят «ах-ха», а если и встречаются отдельные экземпляры, то эти глупости из них быстро вышибают в школе. Видимо, Фло оказалась крепким орешком и глумление одноклассников ее только закалило.

Фло с энтузиазмом пожала Нине протянутую руку и обратила сияющую улыбку ко мне.

– Тогда ты, получается, Ли?

– Нора, – машинально поправила я.

– Нора? – озадаченно переспросила Фло.

– Полное имя Леонора, – объяснила я. – В школе меня знали как Ли, а сейчас все зовут Норой. Я, кстати, говорила про это в письме...

Всегда терпеть не могла имя Ли. Во-первых, оно скорее мужское. Во-вторых, в сочетании с фамилией Шоу получалось неблагозвучное Лишоу, и всякие остряки дразнили меня «лишаем».

Короче, та Ли умерла, осталась в прошлом. По крайней мере, я очень на это надеялась.

– А, ясно! У меня есть кузина Леонора! Мы зовем ее Лео.

Я вздрогнула. *Лео*? Так меня звал только один человек.

Молчание затянулось. Фло издала неловкий смешок:

– Ха-ха! Ну ладно, вот вы и здесь, скоро будем веселиться! Клэр еще нет; я, как свидетельница, сочла своим долгом приехать раньше всех!

– Ладно, свидетельница, какие чудовищные пытки ты для нас заготовила? – спросила Нина, перетаскивая дорожную сумку через порог. – Боа из перьев? Шоколадные члены? Препредупреждаю, у меня на них аллергия вплоть до анафилактического шока, не заставляйте меня доставать шприц с эпинефрином.

Фло нервно рассмеялась, глядя то на меня, то на Нину и явно пытаюсь понять, шутка это или нет. Нина умеет прикалываться с абсолютно непроницаемым лицом, так что те, кто

мало ее знает, нередко теряются. Я видела по глазам, что Нина размышляет, не подразнить ли Фло еще немного.

– Какой... э-э... красивый дом, – поспешила сказать я, чтобы их отвлечь, хотя «красивый» тут было не самым подходящим эпитетом.

Несмотря на плотное кольцо деревьев вокруг, дом вселял чувство уязвимости – из-за стеклянных фасадов, открытых взглядам со всех сторон.

– Правда?! – Фло просияла. – Это дом моей тети, она вообще живет в городе, а сюда приезжает отдыхать. Но зимой она редко бывает, нечего тут делать на отшибе... Вон там гостиная.

Через огромный холл высотой до самой крыши мы прошли в длинную комнату с низким потолком. Противоположная от входа стеклянная стена смотрела прямо на лес. Ощущение складывалось очень неприятное: невозможно было отделаться от чувства, что мы на сцене разыгрываем спектакль для невидимых зрителей, скрытых среди деревьев. Я поежилась и отвернулась, разглядывая обстановку. Хотя тут стояли длинные мягкие диваны, гостиная все равно смотрелась какой-то голой – и я быстро сообразила почему. Дело было даже не в отсутствии малейшего беспорядка и не в минималистичном декоре – две вазочки на каминной полке плюс картина Марка Ротко на стене. Просто тут не было ни одной книги. Обычно там, куда люди приезжают отдыхать, есть хоть одна книжная полка с потрепанными романами Агаты Кристи и Дэна Брауна в мягких обложках. А этот дом больше напоминал мертвую журнальную картинку.

– Вот здесь телефон. – Фло указала на доисторический дисковый аппарат с витым шнуром, который смотрелся довольно странно в современной обстановке. – Мобильная связь то есть, то нет, так что пользуйтесь этим.

Но мое внимание привлек не телефон. Над простым строгим камином я увидела нечто еще более неуместное: начищенное ружье на торчащих из стены деревянных штырьках. Как будто его телепортировали сюда из какого-нибудь маленького паба. Интересно, ружье настоящее? Я попыталась оторвать от него взгляд и прислушаться к тому, что говорит Фло.

– ...а наверху спальни. Вам с сумками помочь?

– Нет, спасибо, – ответила я.

– Ну, если ты предлагаешь... – в ту же секунду отозвалась Нина.

Фло на секунду замерла с ошарашенным видом, потом бодро подхватила здоровенный чемодан Нины и поволокла наверх по лестнице из матового стекла.

– Так вот, там четыре спальни, – тяжело дыша, сообщила она, добравшись до верха. – Я подумала, что в одной будем мы с Клэр, во второй вы, девочки, в третьей Том – как вы понимаете, его надо селить одного, ах-ха?

– Ах-ха, – подтвердила Нина с непроницаемым лицом.

Я пропустила это мимо ушей, так как еще переваривала новость, что у меня не будет возможности скрыться от людей хотя бы в спальне.

– Остается еще Мелани, ей мы тоже выделим отдельную комнату. Все-таки у нее полугодовалый ребенок, ей нужнее!

– Ребенок?! – переспросила Нина с неподдельным испугом. – Она же не с ребенком приедет?!

Фло оглушительно расхохоталась и прикрыла рот ладонью.

– Нет, конечно! Я к тому, что надо дать ей возможность хоть здесь выспаться.

– А, ну да. – Нина заглянула за ближайшую дверь. – И какая наша?

– В конце коридора две самые большие. Занимайте ту, что справа, там две кровати. Слева одна большая кровать с балдахином, там будем спать мы с Клэр.

Тяжело дыша, она остановилась перед дверью из беленого дерева.

– Вот. Вам сюда.

В спальне были две аккуратные белые кровати и невысокий комод, все обезличенное, как в отеле. И, разумеется, кровати стояли напротив стеклянной стены, причем здесь это вообще не поддавалось разумному объяснению: спальня выходила на северную сторону, на подножие заросшего сосновым лесом холма, – то есть вида не было никакого. Результат скорее вызывал клаустрофобию: над тобой нависала зеленая громада, которая постепенно темнела по мере того, как сгущались сумерки. Я посмотрела на тяжелые кремовые портьеры и подавила желание немедленно их задернуть.

Фло тяжело грохнула чемодан Нины на пол. Встретив мой взгляд, она широко улыбнулась, и улыбка вдруг сделала ее почти такой же хорошенькой, как Клэр.

– Есть вопросы?

– Есть, – кивнула Нина. – Курить можно?

Фло помрачнела.

– К сожалению, тетя не разрешает курить в доме. Но у вас есть балкон. – После небольшой борьбы с замком она открыла раздвижные стеклянные двери. – Вот, можешь курить там.

– Супер, – заключила Нина. – Спасибо.

Фло не без труда закрыла вход на балкон, повернулась к нам, покрасневшись от напряжения, и отряхнула руки о юбку.

– Ну, теперь можете спокойно распаковаться. Буду ждать вас внизу, ах-ха?

– Ах-ха! – с энтузиазмом подтвердила Нина.

Пытаясь отвлечь внимание на себя, пока Фло не заметила в ее голосе издевку, я выпалила «спасибо» так громко, что получилось почти агрессивно.

– Вот и хорошо! – неуверенно проговорила Фло, попятилась к выходу и исчезла.

– Нина... – угрожающе начала я.

– Ну что? – рассеянно бросила она через плечо и подошла к стеклу посмотреть на лес. – Кстати, Том все-таки мужик, судя по отчаянному стремлению Фло оградить наши женские прелести от его неистовых игрек-хромосом.

Вопреки своей воле я прыснула. Такова Нина. Ей прощается то, что другим никогда не сойдет с рук.

– Наверняка он гей. Иначе зачем приглашать его на девичник?

– Знаешь, возможно, для тебя это будет новостью, но если кто-то в этом деле играет за другую команду, это вовсе не влечет за собой смену пола. Вроде бы. Хотя погоди-ка... – Она заглянула в свой вырез. – А нет, на месте, четвертый размер, все по инвентарной описи.

– Ты прекрасно знаешь, что я не об этом.

Я шмякнула свой чемодан на кровать, потом вспомнила, что там косметичка, и стала обращаться с ним бережней. Первым делом я достала кроссовки и аккуратно поставила их у двери – пусть служат мне знаком «аварийный выход».

– Суть девичника перед свадьбой отчасти в том, чтобы отдать дань восхищения мужскому началу. А кто разделяет это восхищение? Женщины и геи.

– Почему ты мне раньше не сказала?! У меня же была такая хорошая отмазка! В следующий раз, когда получу приглашение на девичник, нажму «ответить всем» и напишу: «Извините, не приеду, поскольку не разделяю восхищения мужским началом!»

– Я говорю *отчасти*. Отчасти!

– Ничего, ничего, – трагически проговорила Нина, отвернувшись к окну. – Я привыкла быть изгоем в гетеронормативном обществе.

– Иди ты! – огрызнулась я и тут обнаружила, что Нина смеется.

– Что мы вообще здесь делаем? – Она завалилась спиной на кровать и скинула сапоги. – Не знаю, как ты, а я с Клэр не общалась года три.

Я промолчала. Не знала, что сказать.

Зачем я приехала? Зачем Клэр меня позвала?

– Нина... – начала я с комком в горле и учащенным сердцебиением. – А кто ее...
Закончить я не успела, потому что на весь дом раздался оглушительный стук.
Кто-то долбил кулаком в наружную дверь.
Внезапно я почувствовала, что совсем не готова узнать ответы на свои вопросы.

Глава 4

Мы с Ниной переглянулись. Сердце у меня стучало, как эхо ударов в дверь, но я пыталась сохранить хотя бы внешнее спокойствие.

Десять лет... Изменилась ли она? А я изме-нилась?

Я проглотила ком в горле.

В высоком атриуме коридора слышались шаги Фло, лязгнул замок на тяжелой двери, зазвучали голоса.

Я прислушивалась изо всех сил. Это не Клэр. Голос, который я различила за смехом Фло, был отчетливо... мужским?

Нина перекатилась на живот и приподнялась на локте.

– Так, так, так. А вот и наша игрек-хромосома пожаловала.

– Нина...

– Ну что? Что ты на меня так смотришь? Идем, познакомимся с единственным кобелем на этом сучьем сборище.

– Нина! Хватит!

– Хватит что? – Она встала.

– Хватит говорить пошлости.

– Какие пошлости? Я использовала метафору в чисто зоологическом смысле!

– Нина!

Но она уже поскакала вниз прямо в носках, и через мгновение я услышала ее голос: «Привет, мы вроде незнакомы».

Вроде незнакомы. Точно не Клэр. Я сделала глубокий вдох и пошла вниз.

Сначала я увидела их сверху, с лестницы. У девушки – очевидно, Мелани – были гладкие черные волосы, собранные в узел на затылке. Она улыбалась и кивала, слушая щебет Фло, и при этом не переставала рассеянно тыкать в экран телефона.

Рядом стоял парень с чемоданом «Берберри». У него были блестящие каштановые волосы, безукоризненно белая рубашка – явно после прачечной, ни один нормальный человек так хорошо бы ее сам не отгладил – и серые шерстяные брюки, идеально посаженные, наверное какой-нибудь «Пол Смит». Услышав мои шаги, он посмотрел вверх и улыбнулся.

– Привет. Меня зовут Том.

– Привет, я Нора.

Я заставила себя спуститься до конца и протянуть ему руку. Его лицо казалось смутно знакомым, но я никак не могла вспомнить, где его видела.

– А ты, наверное, Мелани?

Девушка оторвалась от телефона и подняла на меня глаза со смущенной улыбкой.

– Э-э, да, привет. Извините, я просто в первый раз уехала от ребенка. Ему полгода, оставила дома с папой. Очень волнуюсь, а телефон что-то совсем не ловит...

– Да, тут проблемы с сотовой связью, – сказала Фло виноватым голосом; она покраснела, то ли от нервов, то ли от восторга. – Ловится только в саду на холме и с балконов – в зависимости от того, какой у тебя оператор. Но в гостиной есть местный телефон, пойдем, я тебе покажу.

Они ушли, а мы с Ниной остались в компании Тома. Я все не могла отделаться от ощущения, что где-то его видела.

– Вы с Клэр вместе учились или работаете? – неловко спросила я.

– Ну, в театральных кругах все друг друга знают. На самом деле нас с ней мой муж познакомил – он режиссер.

Нина лукаво подмигнула мне у него за спиной. Я сделала ей страшные глаза, чем несколько озадачила Тома.

– В общем, мы с ней познакомились на благо-творительном вечере «Королевской театральной компании». У Брюса там была постановка, а мы с Клэр разговорились о работе.

– А ты актер? – спросила Нина.

– Нет, драматург.

Писателю всегда удивительно встречать кого-то из своего цеха. Сразу возникает некое чувство товарищества, тайная связь, как у масонов. Интересно, так у всех? Может, сантехники чувствуют то же самое при встрече с другими сантехниками и бухгалтеры тайком кивают друг другу?.. Хотя, наверное, дело в том, что у писателей не так много шансов встретиться. Все-таки большую часть времени мы проводим за работой в уединении.

– А Нора книги пишет, – ввернула Нина, цепко глядя на нас с таким видом, словно выпустила на ринг двух бойцов в легком весе.

– Правда? – Том посмотрел на меня совсем другим взглядом, будто только что увидел. – Какие?

Ненавижу этот вопрос. Никогда не любила обсуждать то, что пишу: так и не смогла перебороть в себе ощущение, что чужие люди копаются в моих личных мыслях и чувствах.

– Э... романы, – туманно ответила я.

Вообще говоря, детективные романы, но стоит об этом сболтнуть, как люди начинают предлагать криминальные схемы собственного сочинения.

– Серьезно? Под каким именем?

Это такая вежливая форма вопроса: «А ты вообще известная?»

– Эл-Эн Шоу, – ответила я. – «Эн» там просто так, второго имени у меня нет, добавила лишний инициал, чтобы произносилось полегче. А ты, значит, пьесы сочиняешь?

– Да. И часто завидую романистам: вы-то можете все контролировать и актеры не пытаются зарезать лучшие реплики.

Он улыбнулся, сверкнув неестественно белыми зубами. Наверное, фарфоровые виниры.

– Разве не приятно – работать вместе с другими людьми? – осмелилась предположить я. – Разделять ответственность? Все-таки театральная постановка – дело большое.

– Да, в этом есть свои плюсы. Конечно, славу приходится делить с другими, но и тухлые помидоры тоже.

Я собиралась продолжить разговор, но тут в гостиной Мелани резко положила телефонную трубку на рычаг. Том инстинктивно повернулся на звук, и по наклону головы и выражению лица я вдруг узнала в нем парня с фотографии из «Фейсбука».

На картинке рядом с Клэр был Том. Выходит, ее жених – кто-то другой.

Я еще переваривала это открытие, когда к нам с улыбкой вышла Мелани.

– Фух, наконец дозвонилась до Билла. На домашнем фронте все спокойно. Извините, что я тут была вся в своих мыслях, просто ни разу еще не уезжала от малыша. Не то чтобы я не доверяю Биллу, вовсе нет! Я знаю, что он справится... Просто... Ну ладно, хватит мне уже болтать о своем! Ты Нора, правильно?

– Идите все в гостиную! – крикнула Фло из кухни. – Я чай делаю.

Мы послушно выполнили указание. Я с интересом наблюдала за реакцией вновь прибывших на стеклянную стену.

– Занятный вид, – проговорил наконец Том.

– Есть такое. – Я посмотрела на лес: в сгущающихся сумерках у меня возникла иллюзия, что деревья приближаются к дому и почти закрывают собой все небо. – Чувствуешь себя как на ладони. Все-таки тут не помешали бы занавески.

– Да, неудобно. Как будто юбка заправлена в трусы, – ни с того ни с сего ляпнула Мелани и засмеялась.

– А мне нравится, – сказал Том. – Похоже на сцену.

– А мы кто, зрители? – спросила Мелани. – Увы, постановка скучная. Актеры как деревянные! – Она обвела нас глазами и, не найдя одобрения, принялась неловко объяснять шутку: – Ну, в смысле, там же лес и...

– Мы поняли, – кисло перебила Нина. – Тим ведь что-то другое имел в виду, правда?

– Том, – поправил Том слегка раздраженно. – Да, мне это представляется иначе. Мы актеры. А вон там... – Он повернулся к стеклу. – Вон там наш зритель.

Что-то заставило меня поежиться – не то угрюмый лес, молча взирающий с той стороны стекла, не то холодок, который Том и Мелани принесли в дом снаружи. В Лондоне еще стояла осень, но здесь, на много миль к северу, мы в одночасье перенеслись в зиму. Густые кроны сосен заслоняли и без того скудный свет, и воздух уже дышал грядущими морозами. Приблизилась ночь; дом стал похож на фонарик, сияющий во тьме. Я представила, как тысячи мотыльков и мошек кружат вокруг него, не в силах противостоять притяжению света, и разбиваются о холодное стекло.

– Я замерзла, – сказала я, чтобы сменить тему.

– Я тоже. – Нина потерла руки. – Может, печку раскочегарим? Она газовая?

– Не, дровяная. – Мелани встала на колени перед печкой и с трудом открыла дверцу. – У нас дома похожая. – Она повернулась в сторону кухни и крикнула: – Фло! Можно мы печку растопим?

– Можно! – донеслось в ответ. – Спички в горшке на каминной полке. Если не справитесь, я подойду через минутку.

На камине было несколько минималистичных горшков. Том принялся заглядывать в них в поисках спичек и вдруг замер, уставившись на то же, что прежде шокировало и меня.

– О-хре-неть... – проговорил он, глядя на ружье, висящее чуть выше уровня глаз. – А Чехова тут, типа, никто не читал?

– Чехова? – Фло протиснулась в дверь, удерживая на бедре поднос. – Это который русский? Не волнуйтесь, патроны в ружье холостые, кроликов пугать. А то они выкапывают луковичицы и вообще разоряют весь сад. Если тетя их видит – стреляет из окна.

– Ну, прямо... по-техасски, – заметил Том, любезно взяв у нее поднос. – Не то чтобы мне не нравилась лихая эстетика американского Юга, но когда такая штука висит перед носом... слегка действует на нервы – особенно тем, у кого они слабые.

– Да, я понимаю, стоило бы держать ружье не на видном месте, – согласилась Фло. – Оно принадлежало моему дедушке и вроде как семейная реликвия.

Мелани затопила печку, Фло принялась разливать чай, угощая всех печеньем, и разговор потек сам собой: о ценах на прокат машин и аренду жилья, о том, как правильно – наливать молоко в чашку сразу или потом... Я сидела молча, погружившись в свои мысли.

– Чаю?

Я не сообразила, что обращаются ко мне, и вздрогнула от неожиданности, когда Фло похлопала меня по плечу, не дождавшись ответа.

– Чаю хочешь, Ли?

– Нора, – поправила я, выжав из себя улыбку. – Э-э... прости, а кофе есть? Забыла предупредить, я не пью чай.

– Ой, извини, пожалуйста, – пролепетала Фло с самым расстроенным видом. – Мне стоило подумать... Кофе нет. И купить негде – до ближайшей деревни сорок минут, магазин уже закроется. У меня в голове была одна Клэр, когда я закупала продукты, она так любит чай, что я даже не...

– Ничего, – перебила я с улыбкой. – Могу и чаю попить. Не расстраивайся.

Я взяла у нее из рук чашку и сделала глоток. Чай был обжигающе горячий и на вкус предсказуемо омерзительный – бурая жижа с молоком.

– Клэр скоро подъедет. – Фло посмотрела на часы. – Ну что, может, я пока изложу нашу программу?

Все закивали, Фло извлекла листочек со списком. Я скорее почуяла кожей, чем услышала, как Нина испустила тяжелый вздох.

– Так вот, Клэр приедет в шесть, потом мы немного выпьем – у меня тут шампусик в морозилке и всякие ингредиенты для мохито, маргариты и всего такого. И, думаю, полноценным ужином морочиться не будем. – (Тут у Нины вытянулось лицо.) – Есть пицца, есть разные крекеры, есть во что их макать – короче, выставим все на журнальный столик и устроим фуршет. А в процессе немного поиграем, чтобы познакомиться. Может, сейчас и начнем? Просто расскажем пару слов о себе, пока дожидаемся Клэр?

Мы переглянулись, оценивая друг друга, прикидывая, кому хватит смелости начать. Впервые я попыталась вообразить Тома, Мелани и Фло рядом с Клэр, и это оказалось довольно сложно.

Хотя нет, вот с Томом было как раз очевидно. Роскошная одежда, театральная среда – у них с Клэр много общего. Клэр всегда любила красивых людей – и женщин, и мужчин – и окружала себя ими, испытывая искреннюю, бесхитростную гордость за их привлекательность. В этом не было ни грамма фальши: Клэр не видела в чужой красоте никакой для себя угрозы; в конце концов, с ее внешними данными и вкусом она могла себе это позволить. И она очень любила помогать другим выглядеть лучше и подчеркивать свои достоинства, даже тем, у кого этих достоинств не так много, – например, мне. Помню, как перед вечеринками она таскала меня по магазинам, одно за другим прикладывала платья к моей тощей плоскогрудой фигурке и, поджимая губы, оценивала результат, пока не находила то, что сидело идеально. Она сразу видела, что кому пойдет. Всегда говорила, что мне стоит сделать короткую стрижку. В школе я ее не слушала, но вот теперь, десять лет спустя, я живу с короткими волосами и понимаю, что она была права.

Насчет Тома все более или менее ясно, а вот дружба Клэр с Мелани и с Фло... Из переписки я сделала вывод, что Мелани то ли бухгалтер, то ли юрист, и она действительно выглядела как человек, которому привычнее носить костюмы. Обувь и сумка у нее были дорогие, а джинсы смотрелись очень вынужденно и явно подбирались без особой любви к предмету – самого простого синего цвета и неудачного мешковатого кроя. Десять лет назад Клэр бы едко окрестила такие «мамашкиными штанцами».

У Фло джинсы были явно дизайнерские, однако сидели на ней неожиданно плохо. Создавалось впечатление, что она просто купила комплект с манекена в «Олл Сэйнтс», не задумываясь, насколько эта одежда ей пойдет и ее ли это вообще размер. Она то и дело одергивала слишком короткий топ, прикрывая складки над врезающимися в бока узкими джинсами со слишком низкой посадкой. Все это прекрасно подошло бы для Клэр и было бы вполне в ее духе, но только кто-то очень жестокий мог нарядить так Фло.

И я никак не могла представить ни Фло, ни Мелани рядом с той Клэр, которую я знала. Неужели действительно как подружилось в университете, так и продолжают общаться? Знаем мы эту студенческую дружбу... На заре первого курса заводишь толпу приятелей, потом со временем понимаешь, что между вами нет ничего общего, кроме необходимости посещать одни и те же лекции, но отчего-то год за годом продолжаешь посылать открытки по праздникам и ставить лайки в «Фейсбуке». Хотя... прошло десять лет. Клэр теперь может быть совсем другой. Возможно, это Фло и Мелани сейчас трудно представить ее дружбу со мной.

Обведя глазами остальных, я поняла, что они делают то же самое – оценивают новых знакомых, прикидывая, как они могли попасть в число ближайших друзей Клэр. Том разглядывал меня с неприкрытым любопытством, и я поспешно отвела глаза. Начинать не хотел никто. Молчание становилось неловким.

– Давайте я буду первой, – наконец вызвалась Мелани.

Она убрала волосы с лица и нервно потеряла цепочку на шее. Я заметила маленький, очень простой серебряный крестик.

– Я Мелани Чжоу, ну, то есть Блейн-Чжоу, но это слишком длинно, так что на работе я представляюсь девичьей фамилией. Хотя мы с Клэр и Фло учились на одном курсе, я поступила через два года после школы, так что я немного вас всех постарше... То есть не знаю, сколько тебе, Том. Мне двадцать восемь.

– Двадцать семь, – сказал Том.

– Значит, я среди вас самая старая. У меня недавно появился ребенок... ну, как недавно, полгода назад. Я еще кормлю, так что отнеситесь с пониманием, если я вдруг выбегу из комнаты в ни с того ни с сего промокшей майке.

– Сцеживаешься, да? – сочувственно спросила Фло.

За ее спиной Нина скосила глаза к переносице и изобразила, что вешается. Я отвернулась, чтобы ее не поощрять.

– Да. Сначала хотела замораживать, потом передумала. Наверняка же хоть немного, но выпью. Да и везти замороженное назад такой геморрой... Так, что еще... Живу в Шеффилде, работаю юристом, сейчас в отпуске по уходу за ребенком. С Беном остался муж. Бен – это наш сыночек. Он очень... ладно, не буду мучить вас болтовней. Он просто чудесный.

Ее встревоженное лицо осветилось улыбкой, на щеках появились ямочки, и у меня кольнуло сердце. Я не завидовала – у меня уж точно не было никаких мыслей о беременности, – но все же ощутила тоску по такому полному, безоговорочному счастью.

– Ладно, фоточку-то покажи! – сказал Том.

Мелани опять просияла и с готовностью достала телефон.

– Если настаиваете. Вот тут он только что родился...

На фото была Мелани, белая как простыня, с кое-как собранными волосами. Она устало улыбалась белому кульку, который прижимала к груди.

Мне пришлось отвести взгляд.

– А тут он улыбается. Это не первая улыбка, первую я не поймала, но Билл улетел в командировку в Дубай, так что я постаралась сфотографировать следующую и отправила ему. А вот такой он сейчас, тут личико хорошо видно. Надел на голову тарелку, милаха...

Здесь ребенок, конечно, разительно отличался от своей версии с первого фото. Там был надушенный синюшный комочек, тут – хохочущий щекастый малыш с оранжевой пластиковой миской на голове, весь перемазанный в какой-то зеленой жиже.

– Милаха! – воскликнула Фло. – Наверное, на папу похож?

– О господи! – Том вытаращил глаза в полупритворном ужасе. – Вот оно, родительство, добро пожаловать, все, что не выдержит многократной машинной стирки, просим оставить у входа.

– Ну да, что-то вроде того. – Мелани с улыбкой убрала телефон. – Но привыкаешь на удивление быстро. Для меня уже в порядке вещей перед выходом из дома проверять, нет ли каши в волосах... Все, хватит, а то я уже скучаю! Давай теперь ты, Нина. – Она повернулась к Нине, которая устроилась поближе к печке, обхватив колени. – Мы с тобой вроде встречались в Дареме? Или я путаю?

– Нет, не путаешь. Я к вам раз заезжала по пути к приятелю в Ньюкасл. Фло не помню, а с тобой мы точно пили в баре. Пили же?

Мелани закивала.

– Ну, короче, для тех, кто не знает: я Нина, мы с Клэр и Норой вместе учились в школе. Я врач... то есть учусь на хирурга. Вот недавно вернулась, работала три месяца в организации «Врачи без границ» и узнала об огнестрельных ранениях гораздо больше, чем хотела о них знать... Не верьте таблоидам, в Хакни мы все-таки сталкиваемся с огнестрелом не так часто.

Она вдруг потерла лицо ладонями. Впервые я увидела в ее броне трещинку. Я, конечно, догадывалась, что Колумбия не прошла даром, но после ее возвращения оттуда мы виделись всего пару раз, и она ничего не рассказывала, разве что пошутила про ужасную местную еду. Теперь же я задумалась, каково ей пришлось – каждый день штопать людей... которым это не всегда помогает.

– Короче. – Нина выжала из себя улыбку. – Я все, теперь пусть Тимми отдувается. Давай, мальчик Тим, твоя очередь.

– Ну хорошо... – Том криво усмехнулся. – Начнем с того, что зовут меня Том. Том Френч. Как меня тут уже отрекомендовали, я драматург. Не то чтоб сильно известный, но кое-что авангардное написал и даже награды имею. Мой супруг – театральный режиссер Брюс Уэстерли, возможно, вы о нем слышали...

Возникла пауза. Нина помотала головой. Том обвел взглядом всех и наконец с надеждой посмотрел на меня. С неохотой я тоже ответила «нет». Мне было очень неловко, но смысла врать я не видела. Том вздохнул.

– Да, люди, далекие от театральной жизни, не особенно обращают внимание на фамилии режиссеров. А с Клэр мы познакомились как раз через театр. Она ведь работает в «Королевской театральной компании». Брюс много с ними сотрудничает, ставил у них «Кориолана», например.

– О, «Кориолана»! – повторила Фло, энергично кивая.

Желая оправдаться за свое невежество, я тоже закивала – пожалуй, слишком энергично, потому что сразу почувствовала, как с волос сползает заколка. Нина зевнула, поднялась и молча вышла.

– Мы живем в Камдене. У нас пес по кличке Спартак. Если коротко, то Спарки. Порода – лабрадудель, помесь лабрадора с пуделем. Ему два года. Такой сладкий, но, конечно, не самая подходящая собака для пары трудолюбов, которые все время в разъездах. К счастью, мы нашли ему чудесную няню, она его выгуливает, когда нас нет. Так, что еще... Я вегетарианец. Господи, больше и сказать-то нечего. Хватило двух минут, чтобы перечислить все самое интересное. А, у меня есть татуировка. Сердце на левой лопатке. Вот, собственно, и все. Давай теперь ты, Нора.

По совершенно непонятным причинам я вдруг покраснела и уронила чашку, разлив чай на колени. Поспешно вытираясь краем шарфа, я заметила, что Нина вернулась. В одной руке у нее был табачный кисет, другой она ловко соорудила самокрутку, не сводя с меня темных глаз.

– Да мне и говорить особо нечего, – проямлила я. – Я, как и Нина... Клэр знаю со школы...

Мы не общались десять лет.

Я понятия не имею, зачем я здесь.

С трудом сглотнув, я продолжила:

– Мы с ней давно не виделись... как-то жизнь раскидала.

Лицо у меня горело. Еще и печка наконец раскочегарилась. Я машинально попыталась заправить волосы за уши, забыв, что у меня теперь короткая стрижка, так что пальцы скользнули по коротким взмокшим прядям, и жест вышел совсем беспо-мощным.

– Я писатель. Окончила Университетский колледж Лондона, какое-то время работала в одном журнале, без особых успехов, потому что всякую свободную минуту строчила роман – вместо того, чтобы набирать материал для статей и заводить полезные контакты. Короче, первую книгу я выпустила в двадцать два года и с тех пор только этим и занимаюсь.

– То есть ты реально зарабатываешь писательством на жизнь? – Том вскинул бровь. – Ого... Респект.

– Ну, не то чтобы прямо совсем одним писательством... Иногда даю онлайн-уроки, иногда колонки в журналы пишу. Ну, и еще мне повезло. – Тут я прикусила язык. – То есть,

конечно, нельзя называть такое везением. Короче, умер дедушка и оставил мне небольшое наследство. Хватило на маленькую студию в Хакни. Она совсем крошечная, помещаюсь я и ноутбук, зато хотя бы о крыше над головой можно не беспокоиться.

– Здорово все-таки, что вы до сих пор подруги, – заметил Том. – Ну, в смысле, вы с Клэр и Ниной. Я после школы не общался ни с кем из одноклассников. Они в большинстве были мне совершенно чужими людьми. Да и вообще не скажу, что у меня остались приятные воспоминания о школе.

Говоря это, он не сводил с меня глаз, и я еще больше покраснела. Опять попыталась заправить волосы за ухо и уронила руку. Возможно, мне показалось, но в его взгляде сквозило какое-то ехидство. Он что-то знает? Он явно ждал от меня каких-то комментариев, однако обсуждать эту тему я не хотела. Пауза стала неловкой. Я мялась, изнывая от неправильности всего происходящего. Что я тут делаю? Десять лет прошло. *Десять лет!*

– Да у кого они остались-то, приятные воспоминания, – наконец пришла мне на помощь Нина. – Я лично помню только, что школа – отстой.

Я посмотрела на нее с благодарностью, а она едва заметно подмигнула мне в ответ.

– Так в чем тогда секрет долголетия вашей дружбы? – не унимался Том. – Как вам удается ее поддерживать?

Я смерила его откровенно неприязненным взглядом. Ну чего прицепился? И не одернуть его никак, не рискуя выставить себя полной идиоткой...

– Сама удивляюсь, – ответила я с вымученной улыбкой. – Просто нам везет, наверное.

– А муж или партнер у тебя есть? – спросила Мелани.

– Ни того, ни другого, даже лабрадудля нет.

Это должно было прозвучать как шутка, и все действительно засмеялись, но без особого энтузиазма и с явной жалостью. Я передала эстафету Фло, желая поскорее выйти из центра внимания.

Фло же была счастлива поговорить о своей дружбе с Клэр.

– Мы познакомились в университете. Обе поступили на историю искусств и попали в одно общежитие. Я зашла в общую комнату и увидела ее. Она смотрела сериал «Жители Ист-Энда» и грызла прядь волос – ну, знаете, эта ее милая привычка намотать локон на палец и его покусывать. Такая прелесть!

Я попыталась вспомнить, водилась ли за Клэр в школе такая «милая привычка», но ничего на ум не шло. Хотя нет, в памяти возникла картинка: Клэр сидит в кафе возле школы и рассеянно наматывает на палец кончик косы. Может, она его и грызла, не помню уже...

– На ней было голубое платье – она и сейчас в него влезает, представляете? Я лично после универа поправилась килограмм на шесть! Ну, короче, я сказала «привет», а она мне: «Ух ты, красивый шарф». И с тех пор мы лучшие подруги. Я... В общем, она такая классная! Всегда меня вдохновляет, поддерживает... Немногие могут, как она... – Фло осеклась, и я с ужасом заметила, что у нее увлажнились глаза. – Ладно, проехали... Она моя каменная стена, и я для нее на все готова. Вот на все. И я очень хочу сделать для нее *идеальный* девичник. Чтобы прошло как по маслу. Для меня это *безумно* важно. Это как... короче, как последнее, что я могу для нее сделать, понимаете?

И все это со слезами и с таким искренним пылом... Я даже слегка испугалась и, покосившись на остальных, поняла, что не одна такая. На лице у Тома была оторопь, а Нина вскинула брови так высоко, что они скрылись под челкой. Одна Мелани сохранила безмятежный вид – словно такой накал эмоций по отношению к подружке был для нее в порядке вещей.

– Ну... она просто замуж выходит, не в тюрьму садится, – сухо заметила Нина.

Фло либо не услышала, либо намеренно пропустила слова мимо ушей. Она откашлялась и утерла глаза.

– Извините. Господи, вот я сентиментальная рохля...

– Э-э... а чем ты по жизни занимаешься? – вежливо спросил Том, и тут до меня дошло, что Фло говорила только про Клэр и почти ничего не рассказала о себе.

– Ой, ну я... – Фло потупилась. – То тем, то этим... После универа я не сразу начала работать. У меня был тяжелый период. Клэр такая милая, так меня тогда поддержала. Когда я... Ну, не важно. Я к тому, что она... она самая лучшая подруга на свете, о такой можно только мечтать. Господи, что-то я совсем нюни распустила! – Она высморкалась и встала. – Кому еще чаю?

Чаю больше никто не хотел. Фло забрала поднос и ушла на кухню. Мелани снова посмотрела на телефон, проверяя сигнал.

– Очень странно, – произнесла Нина без всякого выражения.

– Что? – рассеянно спросила Мелани, отрываясь от экрана.

– Я про Фло и этот ее в кавычках идеальный девичник. Вам не кажется, что это немного... че-ресчур?

– А... – Мелани бросила взгляд в сторону кухни и понизила голос. – Знаете, может, с моей стороны и нехорошо об этом распространяться, но я не вижу смысла скрывать. На третьем году в универе у Фло было что-то вроде нервного срыва. Она забрала документы до выпускных экзаменов и, насколько мне известно, так и не закончила учебу. В общем, поэтому ей немного сложно все это обсуждать.

– Э-э... ну ладно, – только и ответила Нина.

Но я знала, что она думает: странно вовсе не то, что Фло не захотела вдаваться в подробности своей жизни после универа – в этом как раз никто не увидел ничего особенного. Странно звучало все остальное.

Глава 5

Я хочу спать, но мне светят фонариком в глаза. Меня обследуют, проверяют, сканируют, снимают мою окровавленную одежду. Что случилось? *Что я сделала?*

Меня везут по длинным коридорам с приглушенным на ночь светом. За стеклянными дверьми палат спят пациенты. Некоторые просыпаются от шума каталки, и по их потрясенным лицам я вижу, что выгляжу жутко. От меня отворачиваются с ужасом и жалостью.

Врачи задают мне вопросы, на которые я не могу ответить, говорят мне что-то, что я не могу за-помнить.

Наконец меня подключают к монитору сердечного ритма и оставляют одну.

Я с трудом поворачиваюсь на бок и вижу ее через стеклянное окошечко в двери. Женщина в полицейской форме терпеливо ожидает, сидя на табурете.

Меня почему-то стерегут.

Я лежу и смотрю женщине в затылок. Хочется немедленно встать и пойти к ней с вопросами, но я не осмеливаюсь. Отчасти потому, что не уверена в своих одеревенелых ногах, отчасти потому, что боюсь услышать ответы.

Кажется, я лежу довольно долго, слушая гул приборов и щелканье аппарата, впрыскивающего морфий. Боль в голове и ногах отступает, становится далекой. И тогда я наконец засыпаю.

Мне снится кровь, растекающаяся по полу большой лужей. Я стою в ней на коленях, пытаюсь ее остановить. Она впитывается в мои пижамные штаны, расплывается по деревянному полу...

И я просыпаюсь.

Некоторое время я просто лежу с колотящимся сердцем. Глаза привыкают к полумраку палаты. Я чувствую сильнейшую жажду и боль в мочевом пузыре.

На тумбочке прямо на уровне головы стоит пластиковый стакан. С трудом дотягиваюсь до него, цепляю одним трясущимся пальцем за край, тяну к себе. Вода безвкусная и отдает пластиком, но какое же наслаждение ее пить! Я осушаю стакан и роняю голову на подушку, отчего перед глазами вспыхивают звезды.

Только теперь я замечаю провода и монитор, освещающий палату маленькими зелеными огоньками. Один провод тянется к пальцу на моей левой руке. Я подношу ее к лицу, чтобы рассмотреть провод, и с удивлением понимаю, что рука вся в крови и царапинах, и без того короткие покусанные ногти об-ломаны.

Я помню машину... Помню, как бежала по битому стеклу... Помню, что потеряла один ботинок...

Осторожно касаюсь ступней о ступню. Одна болит, вторая ничего не чувствует под толстой повязкой. Одна голень обмотана медицинской клейкой лентой.

Я случайно касаюсь рукой правого плеча, вздрагиваю и опускаю взгляд.

Из-под больничной сорочки виден огромный синяк, расплывшийся по всему плечу. Я осторожно приспускаю ворот. Вижу центр синяка – набухшее багровое пятно над подмышкой. От чего он? Я точно знаю ответ, но он упрямо не желает вспоми-наться.

Автокатастрофа? Или... на меня напали?

Морщась от боли, я запускаю руку под простыню, веду ладонью по груди, животу, бокам. Руки у меня изрезаны, однако на теле вроде никаких повреждений. Я провожу по бедрам, трогаю между ног.

Там какая-то толстая прокладка. Боли нет. Нет порезов, синяков на внутренней стороне бедер.

По крайней мере, не *это*.

Я расслабляюсь и закрываю глаза от усталости. Я устала от попыток вспомнить, устала бояться. Щелкает аппарат с морфием, и все теряет значение.

Проваливаясь в сон, я вижу перед собой образ: охотничье ружье, висящее на стене.

И вдруг понимаю.

Это синяк от отдачи. Значит, я стреляла из ружья.

Глава 6

– Фло...

Я заглянула в кухню. Фло загружала чашки в посудомоечную машину.

– Ой, а ты чего все сама-то? Давай вместе.

– Да ну, брось, я закончила! – Фло захлопнула дверцу. – Я тебе чем-то могу помочь? Извини, что так получилось с кофе.

– Что?.. Да ничего страшного, переживу. Слушай, я спросить хотела, а когда будет Клэр?

– К шести. – Она посмотрела на кухонные часы. – Часа полтора убить осталось.

– Я просто подумала... Ничего, если я выйду на небольшую пробежку?

– На пробежку? – переспросила Фло с изумлением. – Да ничего, конечно, только темнеет уже...

– Да я недалеко. Просто мне надо...

Я замялась. Ну как ей объяснишь, я и себе-то объяснить не могу. Просто мне надо было выйти. Надо бежать.

Бегаю я почти каждый день. У меня четыре маршрута – по Виктория-парк в хорошую погоду и по улицам, когда дождь или темно. Я, конечно, устраиваю себе передышку на день-другой в неделю – говорят, это необходимо для восстановления мышц, – но потом тяга нарастает и потребность бежать становится императивной. Если этого не сделать, на меня нападает, ну... что-то вроде клаустрофобии. Вчера я не бегала – слишком много времени ушло на сборы и всякие дела, которые надо было закончить до отъезда, – и теперь испытывала настойчивое желание как можно скорее выйти из этой стеклянной коробки. Дело было даже не в физической нагрузке – по крайней мере, не только в ней. Я пробовала бегать по дорожке в спортзале, но это оказалось совсем не то. Весь смысл заключался в том, чтобы вырваться из стен, убежать прочь.

– Время у тебя еще есть, но лучше поторопись. – Фло глянула в окно. – Вечером в лесу *реально темно*.

– Я быстренько. Тут какие-нибудь дорожки есть?

– М-м... Думаю, лучше тебе бежать по тропинке... Сейчас, пойдем в гостиную, я покажу. – Она подвела меня к окну гостиной и ткнула в просвет между деревьями. – Короче, вот тропа, она ведет через лес к главной дороге. На ней будет меньше грязи, чем там, где вы на машинах подъезжали. Беги по ней до асфальтовой дороги, потом поверни направо и возвращайся тем путем, как вы приехали. Будет уже совсем темно, а тропинка без ограждений, так недолго и заблудиться. Погоди-ка. – Она пошла на кухню, порылась в ящике и выудила что-то похожее на запутанные подтяжки. – Вот, держи. Наголовный фонарик.

Я поблагодарила и вприпрыжку поскакала наверх переодеваться. Нина была в комнате – валялась на кровати, глядя в потолок и слушая музыку с айфона.

– По-моему, наша Фло просто ку-ку, – сообщила она мне, вынув наушники.

– Это клинический термин, доктор да Суза?

– Конечно! Сокращенное от латинского «кукуфикус», или «великая кукушка», что, в свою очередь, уходит корнями в языческие верования о том, что песня кукушки насылает безумие.

Смеясь, я стянула джинсы и вошла в термолегинсы.

– Если уж великая, тогда «кукуссимус». А где мои кроссовки? Я их у двери оставила.

– Закинула к тебе под кровать. Кстати, о ку-ку. Ты что, реально сейчас бегать собралась?

– Ну да, а что?

Я нырнула за кроссовками. Разумеется, вот они, в самом дальнем и пыльном углу.

– «А что?» Дай подумать. – Нина принялась загибать пальцы. – Во-первых, уже темнеет. Во-вторых, место незнакомое. В-третьих, в доме есть халявная еда и бухло. В-четвертых, я не говорила, что там уже темно, как в заднице?!

– Так уж прям как в заднице...

Я бросила быстрый взгляд на окно, зашнуровывая кроссовки. Стемнело, конечно, но не настолько, чтобы ничего не видеть. Небо было ясное, еще подсвеченное жемчужно-серым сиянием на западе, а на востоке из-за вершин деревьев выплывала луна.

– Сейчас полнолуние, так что совсем темно не будет, – сообщила я.

– Вы так уверены, мисс «я восемь лет не вылезала из Лондона и не отходила дальше пятидесяти метров от уличного фонаря»?

– Уверена. – Я затянула узлы потуже и выпрямилась. – Хватит зудеть над ухом. Мне надо выйти растряситься, или я тут реально с ума сойду без всякого пения кукушек.

– Что, тебе здесь настолько плохо?

– Нет.

На самом деле да. Мне было очень плохо, и я не могла объяснить этого Нине. Насколько мне плохо от того, что совершенно чужие люди ковыряются в нашем с Клэр прошлом, как в полузажившей ране.

Приезжать не следовало, это я уже хорошо поняла, но ничего не поделаешь: меня привезла Нина, и уехать я теперь могу только вместе с ней.

– Все нормально, просто хочу подышать. Мне надо. Через часик вернусь.

И я побежала вниз по лестнице, Нина же изобразила демонический хохот мне вслед:

– Беги, беги, все равно не убежишь!

Я выскочила на холодный свежий воздух и принялась разминаться у гаража. Чувство нависающей угрозы, граничащее с клаустрофобией, тут же бесследно исчезло. Неужели все дело в стеклянных стенах? Сидишь в них, как в аквариуме, и кто угодно снаружи может рассматривать тебя, оставаясь невидимым... А может, еще оттого, что комнаты в доме совершенно безликие, неживые... Как больница. Или полигон для социальных экспериментов.

Так или иначе, ощущение, что за мной кто-то наблюдает, прошло.

Я побежала.

Бежать легко. Никаких вопросов, никакого беспардонного любопытства, только холодный, восхитительный лесной воздух и негромкий стук подошв по ковру из сосновых иголок. Прошел довольно сильный дождь, но вода здесь не собиралась в лужи, как на утоптанной дороге, а уходила в мягкий грунт. Передо мной на многие мили была чистая, пружинистая тропа, усыпанная слоем игл с тысячи де-ревьев.

В моей семье больше никто не любил бегать, но вот бабушка любила ходить. Она рассказывала, что в детстве, когда ссорилась с подружками, писала имя обидчицы мелом на подошве и шла. К тому времени, как надпись стиралась, успевала пройти и злость.

Я ничего не пишу на подошвах. Я повторяю слова в голове до тех пор, пока не перестаю их слышать за стуком сердца и шагов. Сегодня я повторяла имя – хотя уже давно не злилась на его обладательницу. *Клэр, Клэр, Клэр, Клэр...*

Я бежала и бежала по лесу, и вокруг меня были сгущающаяся тьма и лесные шорохи. Я видела, как над головой у меня пролетают летучие мыши, слышала треск веток, ломаемых какой-то живностью. Один раз через тропу перебежала лиса и совершенно нахально остановилась, разглядывая меня и потягивая носом воздух.

Тропа шла немного под уклон, так что бежать было одно удовольствие – я словно летела по сумеречному лесу. И я совсем не боялась. Здесь те же деревья казались не молчаливыми наблюдателями за стеклом, а радушными друзьями, принимающими меня у себя в гостях. Они расступались передо мной, и я легко, почти не запыхавшись, бежала по тропинке.

Я понимала, что назад придется бежать в горку, причем по грязной и мокрой грунтовке, где можно запросто свалиться в наполненную водой канаву, и надо успеть добраться туда, пока еще хоть что-то видно. Я поднажала. Я не могла ориентироваться по времени и даже не знала точного расстояния маршрута – просто мне было известно, с какой максимальной скоростью я смогу бежать долго. Перепрыгивая через ствол поваленного дерева, я пошла на риск и на секунду прикрыла глаза, представляя, что я лечу и никогда больше не спущусь на землю.

Наконец впереди замаячила асфальтовая дорога – бледно-серая змея в сумраке. Когда я выбежала на нее, над головой заушала сова. Следуя инструкциям Фло, я свернула направо и припустила по асфальту. Однако пробежать успела недалеко, потому что за спиной послышался шорох автомобильных шин. Я посторонилась на обочину и встала, пропуская машину – не хватало только попасть под колеса кому-то, кто совсем не ожидает здесь пешеходов.

Она проехала мимо с оглушительным ревом – после тишины ночного леса шум мотора напоминал визг бензопилы. Ослепленная светом фар, я пыталась проморгаться, глядя вслед красным габаритным огням, похожим на рубиновые глаза в полумраке.

Я надеялась, что глаза быстро снова привыкнут к темноте, но нет, тьма теперь казалась значительно гуще, и мне вдруг стало страшно, что я могу упасть в канаву или споткнуться о какую-нибудь ветку. Нашупав в кармане наголовный фонарик, я кое-как нацепила его. Он был очень неудобный – крепление врезалось в кожу, но при этом он все равно болтался на голове, норовя вот-вот свалиться от тряски. Зато, по крайней мере, я видела перед собой островок асфальта с яркой белой разметкой.

Вскоре я добежала до поворота на подъездную дорожку и замедлила шаг.

Как же я была теперь благодарна Фло за фонарик. Тут нормальный бег был уже невозможен – так, осторожная трусца в обход луж и предательских ям, в которых легко подвернуть лодыжку. Грязь налипла на кроссовки, и они стали тяжелые, как кирпичи.

Я пыталась вспомнить, сколько там по этой дорожке до дома – полмили? Уже почти жалела, что не побежала обратно по лесу, хоть и в крошечной тьме... А потом вдалеке золотым маяком засиял стеклянный дом.

Подошвы увязали в грязи, словно дорога не хотела отпускать меня, хотела оставить здесь навсегда. Стиснув зубы, я прибавила ходу.

Я миновала, наверное, полпути, когда услышала за спиной шум. С асфальта на грунтовку сворачивала машина.

Часов у меня не было, телефон остался в доме. Неужели шесть? Я же бегу точно меньше часа...

Машина определенно едет сюда, тяжело взбираясь по уклону и объезжая ухабы.

Я прижалась к изгороди, прикрывая глаза от света и надеясь, что меня хотя бы не сильно окатят грязной водой, но тут машина остановилась. Дым из выхлопной трубы в свете луны поднимался белым облачком. Зажужжало, опускаясь, стекло, из стереосистемы донесся голос Бейонсе, но тот, кто сидел в машине, тут же приглушил звук.

Я сделала шаг к машине. Сердце колотилось сильнее, чем от самого быстрого бега. Фонарик у меня был направлен вниз, и я никак не могла изменить его положение, поэтому вообще стянула его с головы и направила на бледное лицо за рулем.

Хотя в этом не было никакой необходимости.

Я уже знала, кто там.

Клэр.

– Ли?! – изумленно выдохнула она, ладонью прикрывая глаза от света. – Господи, это правда ты? Я не... Ты что здесь делаешь?

Глава 7

Я замерла в полном замешательстве. Произошла кошмарная ошибка? Клэр и не думала меня звать, это Фло развела самодеятельность?

– Я... э... на девичник... Ты разве не...

– Ну ясное дело, на девичник! – Она расхохоталась, выпустив в воздух облачко пара. – В смысле, что ты делаешь в лесу в темноте? Готовишься к экспедиции на Северный полюс?

– Да я... на пробежку вышла. – Я попыталась напустить на себя полную невозмутимость, как будто бегать в темноте по лесу совершенно нормально. – И не очень уж тут холодно. Так, немного зябко.

На самом деле, конечно, было холодно, и, стоя на месте, я успела промерзнуть, так что испортила весь эффект от своих слов, невольно поежившись.

– Садись, поехали. – Она распахнула пассажирскую дверь.

– Ой, да у меня кроссовки грязные...

– Не волнуйся, машина арендована. Залезай уже, пока мы с тобой обе не околели!

Тепло нагретого салона сразу окутало меня сквозь холодную, мокрую от пота одежду. Кроссовки пропитались жидкой грязью насквозь, и ноги в них были как в болоте.

Клэр тронулась с места и выключила музыку. Внезапная тишина показалась мне оглушительной.

– Ну что... – неловко начала Клэр, глядя на меня в зеркало.

Она по-прежнему была такой же красивой. Глупо с моей стороны было предполагать, что за десять лет Клэр изменится, – она прекрасна. Даже в полумраке автомобильного салона, одетая в старую спортивную толстовку с капюшоном и замотанная в огромный шарф-снуд, она выглядела сногшибательно. Волосы у нее были собраны на макушке в небрежный пучок, и выбившиеся пряди живописно разметались по плечам. Алый лак на ногтях кое-где скололся – нет, никто бы не обвинил Клэр в том, что она слишком старается хорошо выглядеть. Она просто была идеальной, вот и все.

– Ну что... – эхом повторила я.

Рядом с Клэр я всегда чувствовала себя бедной родственницей, и за десять лет ничего не изменилось.

– Давно я тебя не видела. – Клэр барабанила пальцами по рулю. – Господи, как же я рада, что ты приехала, Ли...

Я молчала.

Мне хотелось сказать ей, что я теперь другая. И что зовут меня теперь Нора, а не Ли.

Хотела сказать ей, что общаться мы перестали не из-за нее, а из-за меня. Только... это было не совсем правдой.

Больше всего мне хотелось спросить ее, что я здесь делаю.

Но я не спросила. Я не произнесла ни слова. Просто смотрела на приближающийся дом.

– Я правда очень рада. Так ты теперь писательница, да?

– Ну да. – Это прозвучало странно и фальшиво, будто я врала или говорила о ком-то другом, о каком-нибудь дальнем родственнике, например. – Да, я писательница. Детективы пишу.

– Я слышала. То есть в газете читала. Здорово! Ты молодец, есть повод для гордости.

Я пожала плечами.

– Обычная работа.

Получилось неловко и едко – вопреки моему желанию. На самом деле я прекрасно понимаю: мне повезло. И ради этого везения пришлось немало потрудиться. И я этим горжусь.

– Ну... а у тебя как? – выдавила я.

– А я в пиаре. В «Королевской театральной компании».

Пиар. В общем-то ничего удивительного, и сейчас я улыбнулась совершенно искренне. Клэр и в двенадцать умела креативно подать историю... да что там, еще в пять.

– И я... счастлива, – тихо добавила она. – Знаешь, мне очень жаль, что мы с тобой так долго не общались. Вот сейчас вижу тебя, и... Нам же так здорово было вместе! – Она посмотрела на меня в призрачном зеленоватом свете приборной панели. – Помнишь нашу первую сигарету? – Клэр усмехнулась. – Первый поцелуй... первый косяк... как мы в первый раз пролезли в кино на фильм для взрослых...

– Как нас в первый раз вытолкали оттуда взашей, – продолжила я едко и тут же устыдилась.

Зачем я огрызаюсь? Никто не загонял меня в угол...

Но Клэр беззлобно расхохоталась.

– Господи, вот стыдоба! А мы-то думали, мы такие хитрые – отправили Рика за билетами, а сами пробрались через туалет. Кто же думал, что на входе в зал тоже будут проверять документы!

– Ой, Рик, я и забыла про него! Где он сейчас?

– А черт его знает! В тюрьме небось. За растление несовершеннолетних, если есть в этом мире справедливость.

Рик год продержался в роли бойфренда Клэр, когда нам было лет четырнадцать-пятнадцать. Рассекавший на байке двадцатидвухлетний хлыщ с вечно сальными патлами и золотым зубом. Мне он никогда не нравился. Даже тогда, в четырнадцать, меня передергивало от мысли, что Клэр спит в общем-то со взрослым мужиком – несмотря на очевидные бонусы в виде возможности покупать алкоголь и тусоваться по ночным клубам.

– Какой же он был мерзкий, – ляпнула я, не подумав, и прикусила язык, но Клэр снова лишь рассмеялась.

– Это уж точно! И как я тогда не понимала?! Казалась себе такой искушенной дамой: ну как же, сплю с мужчиной старше себя. Хотя это было в общем-то в шаге от педофилии.

Тут она ойкнула, потому что въехала колесом в яму. Мы замолчали – Клэр сосредоточилась на том, чтобы как можно аккуратней преодолеть последний, самый изрытый участок дороги, а потом мы наконец выехали на засыпанную гравием площадку перед домом и аккуратно втерлись между прокатной машиной Нины и «Лендрровером» Фло.

Клэр заглушила мотор, и с минуту мы просто сидели в темноте и смотрели на дом. Действительно, как Том и сказал, это было похоже на театральные декорации. Вот Фло хлопчет на кухне, засовывая что-то в духовку. Вот Мелани в гостиной склонилась над телефоном. И на авансцене Том – развалился с журналом на диване напротив окна. Только Нины не видно, наверное, опять курит на балконе.

«Что я здесь делаю? – снова подумала я с мучительным ужасом. – Зачем я приехала?!»

Клэр обратила ко мне лицо, залитое золотистым светом из окон дома, и заговорила:

– Ли...

– Слушай... – начала было я в ту же секунду.

– Что?

Я помотала головой.

– Нет, давай сначала ты.

– Да ладно, это не так уж важно. Говори ты.

Сердце у меня болезненно колотилось, и я вдруг поняла, что не смогу задать вертящийся на языке вопрос. Что у меня просто нет на это сил. И я выпалила совсем не то, что собиралась:

– Никто не зовет меня Ли. Я теперь Нора.

– Чего?

– Мне никогда не нравилось имя Ли. Я больше на него не отзываюсь.

– А... – Клэр умолкла, переваривая услышанное. – О'кей. Нора, значит?

– Да.

– Хорошо, я постараюсь запомнить. Хотя будет непросто, я ведь знаю тебя как Ли – сколько там? – двадцать один год.

«Никогда ты меня не знала», – мстительно подумала я и помрачнела. Кому я вру? Знала меня Клэр. С пяти лет и как облупленную – в этом-то вся и беда. Она всегда видела под тонкой броней взрослости хилого перепуганного ребенка.

– Зачем, Клэр? – вдруг спросила я.

Она подняла на меня ничего не выражающее бледное лицо.

– Что зачем?

– Зачем я здесь?

– Господи... – Она опустила взгляд. – Я знала, что ты спросишь. Наверное, бесполезно сейчас гнать пургу про «возьмемся-за-руки-друзья»?

Я покачала головой.

– В общем, да. Если бы ты хотела взяться за руки, у тебя было десять лет, чтобы выйти на связь. Зачем ты позвала меня сейчас?

– Потому что...

Клэр сделала глубокий вдох, и я с изумлением поняла, что она нервничает. Это просто не укладывалось в голове. Я ни разу не видела, чтобы она хоть на секунду теряла самообладание. Даже в пять лет она могла одним взглядом заставить самого закаленного педагога смягчиться или смутиться – в зависимости от того, что ей было нужно. Пожалуй, именно это меня в ней и привлекало: я всегда мечтала быть именно такой – спокойной и уверенной в себе. Просто находясь в ее тени, я уже чувствовала себя сильнее.

Когда-то в прошлом.

Не теперь.

– Потому что... – Она нервно сплела пальцы, и на покрытых кроваво-красным лаком ногтях заиграли блики. – Потому что ты должна узнать это от меня. Лично. Я обещала... я обещала *себе*, что скажу тебе лично.

– Что скажешь?

Я не испугалась, скорее была озадачена. Забыла про грязные кроссовки, про запах пота от взмокшей одежды – вообще про все. Видела перед собой лишь тревожное лицо Клэр, вдруг ставшей такой уязвимой.

– Про свадьбу. – Она не смотрела на меня. – Про то, за кого я выхожу.

– За кого? – спросила я и, пытаясь разрядить обстановку, добавила: – Не за Рика же?!

– Нет. – Она наконец встретилась со мной взглядом, и я не увидела в ее глазах ни искры смеха, лишь стальную решимость, словно она собиралась сделать нечто очень неприятное, но совершенно необходимое. – Нет. Я выхожу за Джеймса.

Глава 8

Секунду я тупо смотрела на нее, на-деясь, что ослышалась.

– Что?!

– Я выхожу за Джеймса.

Я смотрела на деревья и слушала шум крови в ушах.

Джеймс?

Клэр и *Джеймс?*

– Поэтому я и позвала тебя сюда. – Клэр начала тараторить, словно боясь не успеть, словно почувствовав, что я в любую секунду выскочу из машины. – Я не хотела... думала, что не следует приглашать тебя на свадьбу, слишком тяжело будет. Но мне была невыносима мысль, что ты узнаешь об этом от кого-то другого.

– Но... кто тогда такой Уильям Пилигрим, скажи на милость?

Секунду Клэр смотрела на меня без всякого выражения, а потом поняла. Лицо ее изменилось, и в ту же секунду я вспомнила, почему мне знакомо это имя. Какая же я дура. Билли Пилигрим. «Бойня номер пять». Любимая книга Джеймса.

– Это его псевдоним для «Фейсбука», – проговорила я отрешенно. – Чтобы фанаты не донимали. Потому и фотографии в профиле нет. Так?

Клэр кивнула с несчастным видом.

– Я не хотела тебя обманывать, – проговорила она умоляюще и теплой ладонью схватила мою, окоченелую и забрызганную грязью. – И Джеймс хотел, чтобы я с тобой...

– погоди. – Я резко отдернула руку. – Ты с ним это обсуждала?

Она кивнула и закрыла лицо.

– Ли, я...

Она осеклась и сделала глубокий вдох, набираясь духу. А когда заговорила, в ее голосе зазвучала нотка вызова, отголосок прежней Клэр, которая считала нападение лучшей защитой, которая билась бы до последнего, но не склонила голову под обвинением.

– Слушай, извиняться я не стану. Мы не сделали ничего плохого. Я просто прошу тебя дать нам свое благословение.

– Зачем оно вам, если вы не сделали ничего плохого?

– Потому что ты была моей лучшей подругой!

Была.

То, что это вылетело у нее в прошедшем времени, мы засекли одновременно. Я увидела, как моя реакция отражается на лице Клэр.

«Да скажи уже ей. Я вас благословляю. Скажи!» Я до боли закусила губу.

– Я...

Распахнулась входная дверь. На пороге в прямоугольнике света возникла Фло. Прикрывая глаза ладонью, она вглядывалась в темноту. Буквально стояла на цыпочках, чуть не заваливаясь вперед – как ребенок перед праздником, охваченный восторженным нетерпением на грани истерики.

– Клэр? – В тишине ночного леса ее голос прозвучал оглушительно. – Это ты?

Клэр судорожно вздохнула и вылезла из машины.

– Флопси!

Если ее голос и дрожал, то едва различимо. Не в первый раз я подивилась ее актерскому таланту. Вполне ожидаемо, что она связала жизнь с театром, непонятно одно – почему сама на сцене не играет.

– Клэр, лапусик! – заверещала Фло и пулей метнулась с крыльца, шаркая по гравию плюшевыми тапками-кроликами. – Господи, наконец-то! Я услышала, что кто-то приехал, и жду, жду... Ты чего тут сидишь-то одна в темноте, глупенькая?

– Я болтала с Ли. В смысле, с Норой. Я на нее наткнулась у самого дома.

– Наткнулась? Не сбила же, я надеюсь? Ой! – Второпях Фло рухнула на колени, но тут же вскочила, отряхиваясь. – Ничего, ничего, я не ушиблась!

– Тихо, тихо, спокойно!

Смеясь, Клэр обняла Фло и потихоньку шепнула ей что-то на ухо. Фло закивала. Я стала неловко вылезать из машины. Все-таки стоило дойти пешком, зря я после бега сразу села. Мышцы сразу одеревенели, теперь мне было тяжело даже выпрямиться. Клэр посмотрела на меня.

– Ли, все нормально? Ты как будто прихрамываешь.

– Нормально. – Я тоже попыталась говорить как ни в чем не бывало. – Тебе с сумками помочь?

– Нет, спасибо, я налегке. – Она достала из багажника единственную сумку и повесила на плечо. – Ну, пойдем, Фло, показывай, куда мне.

Я с трудом преодолела лестницу на второй этаж, неся грязные кроссовки за шнурки. Нины в комнате не было. Я стянула потную майку и забрызганные грязью легинсы и, оставшись в нижнем белье, залезла под одеяло.

Я лежала, глядя на круг света от прикроватного ночника, и думала.

Как я могла совершить такую глупую ошибку? Зачем я приехала?

Десять лет я пыталась забыть Джеймса, плетя вокруг себя кокон уверенности и самодостаточности. И мне казалось, что я добилась успеха. У меня была хорошая жизнь. Отличная жизнь! Любимая работа, собственная квартира, очень милые друзья, которые не знают ни Клэр, ни Джеймса и вообще никого из моей прежней жизни в Ридинге.

Я была независима – эмоционально, финансово и как угодно еще. И мне это нравилось.

Мне это очень, очень нравилось, всем спасибо, все пошли на хрен.

А теперь я вляпалась вот в это.

И хуже всего то, что я не могла винить Клэр. Они с Джеймсом действительно не сделали ничего плохого.

Они ничего не были мне должны. Мы с Джеймсом расстались больше десяти лет назад. Нет, виновата только я. В том, что так и не отпустила его. Так и не смогла отпустить.

Я ненавидела Джеймса за то, какую власть он продолжал надо мной иметь. За то, что я до сих пор сравниваю с ним каждого мужчину, проявившего ко мне интерес. Последний парень, с которым я переспала – а было это два года назад, – разбудил меня, потому что я металась и говорила во сне. «Кто такой Джеймс?» – спросил он и, увидев панику на моем лице, встал, оделся и ушел из моей жизни. И я не стала его возвращать.

Я ненавидела Джеймса и ненавидела себя. И прекрасно осознаю, какой я выгляжу неудачницей: влюбилась в шестнадцать и десять лет не могу забыть. Поверьте, никто не понимает этого лучше, чем я. Если бы я услышала эту историю от незнакомца в баре, я бы тоже была полна презрения.

Снизу слышались болтовня и смех, доносился запах пищи.

Мне надо было спуститься туда и тоже болтать и смеяться. Вместо этого я лежала калачиком под одеялом, зажмурившись и беззвучно крича.

Наконец я собрала волю в кулак и вылезла из постели, морщась от боли в мышцах. Взяла верхнее полотенце из стопки, которую Фло заботливо уложила в изножье каждой кровати, и пошла мыться.

Ванная располагалась в конце коридора. Я закрыла дверь, бросила полотенце на пол. Здесь тоже было выходящее на лес огромное окно без штор. Конечно, заглянуть в него снаружи

можно было, лишь забравшись на высокую сосну, и все же, раздеваясь, я подавила желание стыдливо прикрыть грудь.

С минуту я раздумывала, не обойтись ли без душа, просто переодевшись в чистое. Потом решила, что лучше все-таки смыть усталость, и осторожно влезла в душевую кабину. Душ пару раз фыркнул, и из его широкого раструба хлынул сильный поток горячей воды. Я стояла под ним, с наслаждением потягиваясь.

Из кабины было видно окно, хотя в темноте в нем мало что можно было разглядеть, кроме призрачного круга луны. Яркий свет превратил поверхность стекла в зеркало, и, намыливая и брея ноги, я видела свое отражение сквозь дымку пара. Все-таки что за женщина хозяйка этого дома? Он построен для вуайеристов. Нет, это те, кто любит смотреть... А как называется, когда наоборот?

Для эксгибиционистов.

Для тех, кто любит выставлять себя напоказ.

Может, летом тут по-другому – когда свет льется в окна до позднего вечера. Может, тогда стеклянные стены оправданны, поскольку дают возможность любоваться на горизонт. Однако сейчас все выглядело наоборот. Дом напоминал стеклянную витрину с диковинками, на которые интересно поглазеть. Или клетку в зоопарке. Вольер для тигров, в котором негде спрятаться. Я подумала о животных в зверинцах, которые день за днем, неделю за неделей меряют шагами свои загоны, медленно сходя с ума.

Выключив воду, я осторожно ступила на пол и посмотрелась в затуманенное зеркало, протерев его ладонью.

Собственное лицо меня испугало. Это было лицо человека, который приготовился к драке. Отчасти такое впечатление создавали короткие волосы – мокрые и кое-как вытертые полотенцем, они агрессивно торчали в разные стороны, как у боксера между раундами. Лицо в ярком свете казалось бледным и осунувшимся. Мрачные, обвиняющие глаза окружали темные круги, словно меня побили.

Я вздохнула и полезла в косметичку. Хотя у меня нет обыкновения делать полный макияж, блеск для губ и тушь я прихватила. Румян не было, но я втерла немного блеска по линии скул, чтобы немного убрать бледность. Потом натянула чистые узкие джинсы и серую футболку.

Внизу включили музыку. Билли Айдол, «Белая свадьба».

Эй, сестренка, что наделала ты?

Эй, сестренка, где тот, о ком твои мечты?

Эй, сестренка, кто твой супермен,

Где тот, кто был тебе всем?

Эй, сестренка, вот ружье!

Не начать ли все сначала?

Кто-то решил так смешно пошутить?

– Ли... в смысле, Нора! – крикнула Фло с лестницы. – Не хочешь перекусить?

– Иду! – прокричала я в ответ, тяжело вздохнув.

Потом завернула грязное белье в полотенце, подхватила косметичку и открыла дверь.

Глава 9

Внизу веселье уже было в разгаре. Том и Клэр подключили к колонкам чей-то айфон и теперь танцевали под Билли Айдола, а Мелани, смеясь, наблюдала за ними с дивана.

На кухне, где было адово пекло от раскаленной духовки, кто-то метал промышленные масштабы пиццы на подносы и разливал по мисочкам соусы. Кто-то в серых джинсах и серебристом дутом жилете. Я в некотором замешательстве подумала, что это Клэр, но тут она выпрямилась, утирая лоб, и я узнала Фло. В абсолютно такой же одежде, что и Клэр в соседней комнате.

От недоуменных мыслей о том, зачем она нарядилась как сестра-близнец невесты, меня отвлек сильный запах паленого.

– Что-то горит?

– Господи, лепешки! – взвизгнула Фло. – Ли, спасай их, пока пожарная тревога не сработала!

Кухня быстро заполнялась дымом. Я поспешно выхватила лепешки из тостера, бросила в раковину и побежала открывать дверь из кухни на улицу. Дверь была заперта, и ручка никак не поддавалась, однако в конце концов я сообразила, в чем хитрость. В кухню хлынул морозный воздух. Я с удивлением заметила, что лужи перед домом покрылись тонкой корочкой льда.

– Я посмотрела в баре, текилы нет, – раздался за спиной голос Нины. – Ты чокнулась? Закрой дверь, холод же собачий!

– Тут лепешки сгорели, – спокойно ответила я, захлопывая дверь.

По крайней мере, хоть немного проветрила.

– И в баре нет? – Фло подняла голову, убирая прилипшие потные волосы с лица. – Черт. Куда ж она запропастилась...

– Ты в холодильнике смотрела? – спросила Нина.

Фло кивнула.

– А в морозилке? – спросила я.

Фло хлопнула себя по лбу.

– Ну конечно! Я же хотела побыстрее охладить для маргариты! Вот идиотка!

– Аминь, – одними губами проговорила Нина, повернувшись ко мне.

Она нырнула в морозильную камеру, вытащила заиндевевшую бутылку и подхватила пару лаймов из миски на столе.

– Нора, возьми нож и доску, – распорядилась она. – Фло, ты говорила, где-то тут есть стопки?

– Да, в гостиной, за зеркальной дверцей. А мы точно хотим сразу пить текилу? Может, разумней повышать градус и начать с мохито?

– К черту разум, – бросила Нина, выходя из кухни, и прошептала мне: – Я должна как следует выпить, иначе меня доконает эта тяготища.

При виде нас Клэр испустила радостный возглас. Не прекращая танцевать, она взяла у Нины бутылку, а у меня нож. Покачивая бедрами и рассыпая по всей комнате блики света от пайеток на топе, прошествовала к журнальному столу и с грохотом поставила на него бутылку.

– Текила! Не пила ее в чистом виде с тех пор, как двадцать один год отметила. Наверное, потому, что только сейчас отошла от похмелья!

Нина стала рыться в шкафу в поисках стопок, а Клэр, опустившись на колени, принялась нарезать лайм.

– Невеста первая! – крикнула Мелани.

Клэр с широкой улыбкой насыпала соли на запястье, взяла ломтик лайма. Нина налила стопку до краев и сунула ей в руку. Клэр лизнула соль, опрокинула в себя стопку и, зажмурив-

шись, вцепилась зубами в лайм. А потом выплюнула его на ковер и с размаху грохнула стопку на столешницу, морщась и хохоча.

– О господи, аж слезы из глаз! Сейчас вся тушь растечется!

– Барышня, да мы только начинаем, – сурово сказала ей Нина. – Теперь Ли... в смысле, Нора.

Я опустилась на ковер, подсаживаясь к столу, а Том вдруг проговорил:

– Знаете, если вы не прочь добавить шика, я бы предложил перейти на коктейль «текиларойяль».

– «Текила-ройяль»? – переспросила Нина, плеская текилу в стопку через край. – Это как? С шампанским, что ли?

– Можно и с шампанским. Хотя я люблю по-другому. – Том вытащил из кармана бренок пакетик с белым порошком. – Вот это будет поинтересней соли.

Господи... Я глянула на часы – восьми еще нет. Такими темпами к полуночи мы по потолку ходить будем.

Мелани скрестила руки на груди, холодно посмотрела на Тома и произнесла с отвращением:

– Кокаин? Seriously? Мы уже не студенты. Я вообще кормящая мать.

– Не хочешь – не нюхай. – Том равнодушно пожал плечами.

Неловкую паузу прервала Фло, нарисовавшаяся в дверях кухни с нагруженным подносом.

– А вот и пицца! – Руки у Фло подрагивали от тяжести, под мышкой она зажимала бутылку. – Может кто-нибудь быстренько освободить стол, пока я все это на тетушкин ковер не уронила?

Мы с Ниной принялись расчищать место на столе, а Клэр наградила Тома кисло-соленым поцелуем и проворковала:

– Знаешь, давай оставим это на десерт?

– Без проблем, – спокойно ответил Том, убирая пакетик в карман. – Зачем навязывать весьма недешевое удовольствие тем, кто все равно не оценит.

Мелани натянуто улыбнулась и вытащила из подмышки Фло бутылку.

– О, кстати, о шампанском...

– Ну, все-таки особый случай! – воскликнула Фло, сияя и совсем не чувствуя напряжения в атмосфере. – Ну-ка, Мелли, открывай, а я бокалы достану.

Мелани принялась сдирать с горлышка фольгу, Фло стала рыться в буфете. Наконец она, слегка запыхавшись, выудила на свет шесть высоких фужеров. В тот же миг раздался громкий хлопок, и пробка ударилась о плоский экран телевизора.

– Упс! – Мелани прижала пальцы к губам. – Извини, Фло.

– Ничего страшного, – жизнерадостно отозвалась Фло, но сама потихоньку стала рассматривать экран, проверяя, нет ли трещин.

Мелани протерла бутылку рукавом и, загнанно оглядываясь на Фло, разлила шампанское по бокалам.

Все взяли по одному. Я постаралась улыбнуться. Не люблю шампанское – у меня от него сразу начинается изжога и зверская головная боль, да и вообще я как-то не пью шипучих напитков. Однако возможности отказаться мне не дали.

Фло подняла бокал, обвела взглядом наш маленький кружок, встречаясь глазами с каждым, и остановилась на Клэр.

– За наш *прекрасный* девичник! – провозгласила она. – За *идеальный* девичник для самой лучшей подруги, о которой можно мечтать. За мою надежду и опору. За мой пример для подражания. За мою героиню. За мою дорогую и любимую Клэр!

– И за Джеймса, – добавила Клэр с улыбкой. – Иначе я не смогу присоединиться. Я не такая само-влюбленная эгоистка, чтобы пить за себя.

– О... – Фло смешалась. – Ну, просто... сегодня же твой праздник... Весь смысл девичника в том, чтобы забыть ненадолго про жениха. Впрочем, как пожелаешь. За Клэр и Джеймса.

– За Клэр и Джеймса, – повторили все и вы-пили.

И я тоже. Пузырьки обжигали горло, мешая глотать.

Клэр и Джеймс. Клэр и *Джеймс*. Мне до сих пор не верилось – я никак не могла представить их вместе. Неужели он настолько изменился за десять лет?

От мыслей меня отвлек тычок под ребра.

– Ты чего, – прошипела Нина, – пытаешься увидеть будущее на дне бокала из-под шампанского? По-моему, с кофейной гущей лучше работает.

– Просто задумалась, – ответила я, выдавив улыбку.

Нина вскинула брови, и я с ужасом подумала, что сейчас она что-нибудь ляпнет, отпустит фирменную бестактность, от которой захочется сквозь землю провалиться. Но прежде, чем она успела открыть рот, Фло хлопнула в ладоши.

– Ну, разбираем пиццу! – воскликнула она. – Не стесняемся!

Я взяла кусок пепперони – с него так и капал пахнувший чем-то химическим красный жир, но после пробежки я хотела есть, и мне было все равно, – добавила еще кусок с грибами и шпинатом, обугленную лепешку и хумус.

– Не забываем про салфетки, чтобы не закапать жиром тетин ковер, – продолжала командовать Фло, хлопоча вокруг гостей. – И оставьте, пожалуйста, вегетарианскую пиццу для Тома!

– Флопси. – Клэр положила руку ей на плечо. – Не переживай. Том все равно не справится с целой пиццей. И в морозилке еще есть запас.

– Это дело принципа. – Фло порозовела и нервно убрала волосы с лица. – Если кто-то предпочитает вегетарианскую еду, надо было оговаривать заранее. Терпеть не могу, когда народ на вечеринке считает овощные блюда, потому что им мясные не понравились. А вегетарианцы в итоге остаются ни с чем!

Ее серебристый жилет был перемазан соусом от пиццы.

– Извини, я взяла кусок с грибами, положить назад? – спросила я.

– Не надо, – раздраженно бросила Фло. – Все равно он уже весь в жире от пепперони.

Мне захотелось сказать ей, что жир от пепперони и без того растекся по всей сервировочной доске и, если она так переживает по этому поводу, надо было взять вторую доску, а не класть и мясное, и вегетарианское в одну кучу. Но я прикусила язык.

– Все нормально. – Том положил себе три куса с грибами и основательную горку хумуса. – Вот этого мне выше крыши. Если съем еще, Гэри заставит меня отжиматься до Рождества.

– А кто такой Гэри? – Фло взяла кусок с пепперони и села на диван. – Я думала, твою вторую половинку зовут Брюс.

– Гэри – мой тренер в спортзале. – Том скромно опустил глаза на свой плоский живот. – Тяжелая ему досталась работа, бедняжке.

На Фло это произвело немалое впечатление.

– У тебя персональный тренер?!

– Милая моя, сейчас у каждого уважающего себя человека персональный тренер.

– У меня нет, – спокойно сообщила Нина с полным ртом. – Я просто хожу в качалку и там пашу. Нахрен мне надо, чтобы на меня в процессе орал какой-то придурок. – Она шумно сглотнула. – А если вдруг и надо, у меня для этого плеер есть. Чтобы всегда можно было сместить одного придурка на другого, если припев покажется слишком монотонным.

– Да ладно! – смеясь, воскликнул Том. – Неужели я тут такой один? Не может быть! Нора, а у тебя? Ты ведь как-то умудряешься не отрастить писательскую мозоль на заднице.

– Я-то? – переспросила я с испугом. – У меня даже абонемент в спортзал нет. Я просто бегаю. И орут на меня при этом только детишки в Виктория-парк.

– Клэр? – воззвал Том. – Мелани? Ну поддержите же меня кто-нибудь! Это же нормальное явление!

– У меня тренер есть, – призналась Клэр и поспешно добавила, как только Том просиял: – Но! Только на время, мне просто нужно скинуть пару фунтов, чтобы в свадебное платье влезть!

– Никогда не пойму, зачем девки это делают. – Нина укусила пиццу и облизнула губы от жира. – Берут платье на два размера меньше. Наверняка же чувак начинал претендовать на руку и сердце, когда зад уже был в три обхвата.

– Эй-эй, я бы попросила! – Клэр смеялась, однако по тону чувствовалось, что она задета. – Не было у меня никакого зада в три обхвата! И это не для Джеймса – кстати, замечу, он тоже к тренеру ходит. А похудеть я хочу для себя – чтобы в этот счастливый день выглядеть лучшим образом.

– А, то есть хорошо выглядят только худые?

– Я этого не говорила!

– Ну, для тебя же «лучшим образом» равно «минус два размера»...

– Минус несколько фунтов! – горячо перебила ее Клэр. – Про два размера – это твоя фраза. И вообще, кто бы говорил, сама тощая как швабра!

– Поверь, это случайность, а не результат целенаправленных действий, – ответила Нина с достоинством. – Я не считаю, что привлекательность зависит от размера одежды. Джесс тебе подтвердит.

– Ах ты господи! – Клэр грохнула тарелку на стол. – Я, *лично я*, нравлюсь себе в десятом размере больше, чем в двенадцатом, вот так уж получилось! Ясно? И к остальному человечеству это не имеет никакого отношения!

– Нина... – предостерегающе начала Фло.

Однако Нину уже было не остановить. Она слушала тираду Клэр, с энтузиазмом кивая, и то, что Мелани прячет улыбку, а Том смеется в кулачок, еще больше ее раззадорило.

– Да-да, конечно, – поддакнула она. – Никакого отношения к тупой идеализации анорексичек, свойственной западной культуре. И к тощим как доски моделям в каждом журнале и на всех экранах. На самом деле...

– Нина! – В голосе Фло звучала откровенная злость.

Она вскочила и тоже гроыхнула тарелкой по столу. Нина удивленно вскинула на нее глаза, прервавшись на полуслове.

– Прошу прощения?

– Ты меня слышала. Уж не знаю, что на тебя нашло! Мы устраиваем праздник для Клэр, и ты его портишь. Хватит нагнетать.

– А кто нагнетает-то? Не я тут тарелками швыряюсь, – спокойно произнесла Нина. – И как же забота о сохранности тетушкиного имущества?

Мы все проследили за направлением ее взгляда. По тарелке, которую Фло с размаху опустила на стол, тянулась трещина. Я почувяла, что Фло сейчас ринется в атаку, как разъяренный бык. И не ошиблась.

– Слушайте! – выпалила она.

Все застыли с не донесенными до рта кусками пиццы, ожидая взрыва. Клэр сочла нужным вклиниться в напряженную паузу.

– Все нормально. – Она притянула Фло к себе, усаживая рядышком на диван. – Не переживай. У Нины просто такое чувство юмора. Она не пыталась меня задеть... почти.

– Ну да, – подтвердила Нина с абсолютно серьезным видом. – Извините. Я просто нахожу смешным повальное распространение нереалистичных требований к женскому телу.

Фло смирила ее долгим взглядом, снова неуверенно посмотрела на Клэр и попыталась изобразить смешок. Вышло довольно неубедительно.

Том решил, что пора разрядить обстановку.

– Короче! Что-то мы до сих пор не в той кондиции, чтобы это можно было назвать качественной вечеринкой. Ну? Кто следующий? – Он посмотрел на меня, и по его загорелому лицу поползла едкая улыбка. – Нора! Вот ты как-то подозрительно трезво выглядишь. Сдается мне, ты не успела выпить перед ужином.

Я застонала. Нина с готовностью сунула мне в руку полную стопку, а Том уже был тут как тут с лаймом и солонкой. Я поняла, что сопротивление бесполезно – остается только зажмуриться и выпить, как лекарство.

Том насыпал мне соли на запястье, я слизнула, опрокинула в себя стопку, схватилась за лайм. Кислый сок брызнул в горло, текила обожгла пищевод. На секунду я замерла, стиснув зубы и втягивая воздух, а потом ощутила знакомую теплоту, разливающуюся внутри, и чувство реальности слегка притупилось.

Возможно, в состоянии легкого опьянения будет проще все это пережить...

Тут я сообразила, что все смотрят на меня и чего-то ждут. Я поставила стопку на стол и бросила кожуру от лайма в пустую тарелку.

– Все! Кто следующий?

Но со мной еще не закончили. Том, коварно улыбаясь, протягивал пакет с порошком.

– А может, апгрейд до «текилы-ройяль»?

Клэр ткнула меня под ребра.

– Давай-давай! Как в прежние времена! Помнишь нашу с тобой первую дорожку?

Я помнила, только очень сомневаюсь, что это был кокаин; скорее нам впарили толченые таблетки аспирина. Я и тогда не хотела этого делать, просто слушалась Клэр, как овца.

– Давайте вместе, – распорядилась Клэр. – И четвертую дорожку для Нины, она не откажется. Правда, доктор?

– Всем известно, что врачи философски относятся к употреблению препаратов, – ответила Нина с холодной улыбкой.

Том опустился на колени перед журнальным столиком и принялся торжественно выкладывать дорожки на стеклянной поверхности, аккуратно сгребая порошок кредитной картой. Закончив церемонию, он вопросительно приподнял брови.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.